

А. И. АЙБАБИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХАЗАР ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ КАГАНАТА

Вполне очевидно, что полноценное воссоздание истории Хазарии невозможно без изучения созданной в Хазарском каганате материальной культуры. Археологические материалы позволяют не только проследить этноформационные процессы на завоеванных хазарами территориях, но и распознать этнические группы по присущим им особенностям погребального обряда, традиционного костюма, оружия, бытовой утвари, а также типологии жилищ, планировки поселений, хозяйственной деятельности.

Полемика об археологическом наследии Хазарского каганата началась сразу после открытия в бассейне Дона Салтовского могильника и названной его именем культуры. Исследователи этого и однотипных некрополей, а также связанных с ними городищ приписывали салтовскую культуру хазарам [1, с. 232-234; 2, с. 435]. А. А. Спицын и Ю. В. Готье считали упомянутые памятники аланскими [3, с. 67-79; 4, с. 84]. Хазары занимали одно из главных мест в необычайно обширной тематике научных исследований Михаила Илларионовича Артамонова. Свои первые самостоятельные археологические разведки в 1929 г. он проводил на Нижнем Дону, обследуя Левобережное Цимлянское городище. В результате этих разведок и производившихся в 1934-35 гг. раскопок М. И. Артамонов убедительно локализовал на городище хазарскую крепость Саркел [5, с. 6-25, 79-90; 6, с. 130-167]. В своей первой книге о Хазарии «Очерках древнейшей истории хазар» М. И. Артамонов предложил новаторский для того времени исследовательский метод – комплексное использование письменных и археологических источников. По его словам, «недостаточность и отрывочность письменных известий о хазарах, казалось, давно бы должны вызвать потребность в иного рода источников исторического исследования в этой области, а именно в вещественных памятниках. ... Вещественные (археологические) памятники имеют весьма важное значение для истории Хазарского царства. Только посредством их можно учесть те отношения, какие существовали между оседлыми и кочевыми племенами юго-востока, а также те процессы, которые происходили

внутри кочевых племен и явились основой возникновения государственной организации» [7, с. VI-VII].

Именно М. И. Артамонов в тяжелейший послевоенный период в 1949-51 гг. организовал крупнейшую и по нынешним временам спасательную археологическую экспедицию на землях, отведенных под строительство Волго-Донского речного канала. Он, его коллеги – талантливые археологи И. И. Ляпушкин, А.Л. Якобсон, М.П. Грязнов, А.А. Иессен, А.Д. Столяр, О.А. Артамонова, С.А. Плетнева и многие сотрудники Эрмитажа совершили самый настоящий научный подвиг, проведя раскопки и обследование не только хазарской крепости Саркел, Цимлянского Правобережного городища и многих памятников салтовской и других культур [подробнее см: 8-10; 11, с. 21-28; 12, с. 58-70]. Добытые экспедицией огромнейшие материалы легли в основу многих хазароведческих штудий.

М. И. Артамонов не согласился с отождествлением салтовской культуры с аланами и высказал предположение о принадлежности названной культуры хазаро-болгарским племенам [6, с. 161-162]. В фундаментальной монографии «История хазар» он разделил некрополи салтовской культуры по конструкции погребальных сооружений на две группы: 1 – захоронения в так называемых катакомбах, характерных для северокавказских алан; 2 – погребения в простых грунтовых ямах (типа Зливки), близкие распространенным в Дунайской Болгарии и Среднем Поволжье. М. И. Артамонов отмечал сходство памятников салтовской культуры, выявленных между Донцом и Средним Доном, на Нижнем Дону, с археологической культурой, оставленной болгарам и хазарами в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, а также археологической культурой хазарского времени в Северном Дагестане, «где находился древний центр хазар» [13, с. 307-309, 313-315].

И. И. Ляпушкин, основываясь на скрупулезной систематизации материалов Волго-Донской экспедиции, предложил разделить памятники салтово-маяцкой культуры на две группы: 1 – верхнесалтовского типа, 2 – зливкинского типа. Поскольку памятники 1 группы тождественны известным в предгорьях Северного Кавказа, то они могли принадлежать поселившимся в бассейне Дона аланам. И. И. Ляпушкин отметил наличие у населения, оставившего зливкинские памятники, кочевнических традиций в типе жилищ. По этому признаку, керамике и типу погребений он отнес их к болгарам [14, с. 144-148].

В 1930-х гг. началась многолетняя оживленная дискуссия об этнической атрибуции средневековых городищ, раскопанных на Тамани и в Восточном Крыму, в Коктебеле на холме Тепсень. Н. С. Барсамов, А. В. Арциховский, А. П. Смирнов и другие приписывали названные памятники славянам [15, с. 8-9; 16, с. 62-63; 17, с. 44]. В опубликованной в 1941 г. статье И. И. Ляпушкин обосновал сходство керамического комплекса названных городищ с салтовским [18, с. 226-231]. По его мнению, поселения VIII-X вв. на Тепсене, на Керченском полуострове, на Тамани и в Прикубанье принадлежали перешедшим к оседлости

болгарам, оказавшимся под властью хазар [14, с. 148]. А. Л. Якобсон писал об общности материалов поселений VIII-X вв., обнаруженных в Восточном Крыму и Приазовье, с салтово-маяцкой культурой [19, с. 485-487]. По предположению М. И. Артамонова, носителями салтовской культуры в Восточном Крыму и Приазовье могли быть как болгары, так и мало отличавшиеся от них «в этнографическом отношении» хазары [13, с. 237-238]. А. В. Гадло присоединился к выводу И. И. Ляпушкина [20, с. 63-64].

В 1951 г. в разгар развернутой в СССР антисемитской компании яростным нападкам подверглись как принявшие иудаизм хазары, так и М. И. Артамонов. По его словам, «...имело место некоторое замешательство в разработке вопросов истории хазар» [13, с. 37]. Лишь спустя несколько лет после смерти И. В. Сталина, во второй половине 1950-х гг. возобновилось изучение хазарского наследия. Материалы, полученные на многочисленных раскопанных в XX столетии на территории Хазарии памятниках, всесторонне проанализированы в трудах ученицы М. И. Артамонова С. А. Плетневой. Она привела неоспоримые доводы в пользу существования на территории Хазарского государства во второй половине VIII – X вв. единой салтовской культуры, которую в процессе оседания создали болгары и аланы. С. А. Плетнева аргументированно осветила происходивший в хазарскую эпоху в Причерноморских и Прикаспийских степях переход кочевников к полуоседлому или оседлому образу жизни. Она выявила в салтовской культуре археологические маркеры, позволившие выделить варианты культуры, распространившиеся в Подонье, Приазовье, Крыму, на Нижней Волге, в Дагестане, на территории Предкавказской Алании и в Подунавье [21; 22, с. 62-75]. В публикации 1990 года С. А. Плетнева дала объективный историографический анализ пятидесятилетних исследований в хазарской археологии в СССР. Она согласилась с замечаниями коллег о неправомочности причисления к салтовской культуре аланских памятников VIII – начала X вв., обнаруженных в Предкавказской Алании и болгарских памятников из Подунавья [23, с. 77-91]. В изданных в 1999 г. «Очерках хазарской археологии» С. А. Плетнева наиболее емко и четко представила свое видение материальной культуры Хазарии. Она, на основе разбора археологических материалов, обнаруженных советскими, российскими и украинскими археологами на памятниках хазарского времени, дала всестороннюю характеристику, как салтово-маяцкой культуры, так и вариантов культуры, распространившихся на подконтрольных хазарам землях. В каждой главе показаны свойственные определенному варианту особенности, в том числе присутствие в Крымском варианте значительного византийского пласта. Очерки насыщены типологическими описаниями памятников и различных категорий находок, а также иллюстрированы картами и рисунками. По словам С. А. Плетневой, салтово-маяцкая культура принадлежала «разным этническим группировкам и народам, входившим в Хазарское государство (в основном несколькими древнеболгарским этносам, аланам, собственно хазарам)»,

а «единство ее ... было обусловлено вхождением этих народов в крепкое государственное объединение» [24, с. 207].

Отметив уже во введении, что ее «работа не собственно о хазарах и не о культуре, ими созданной», С. А. Плетнева констатировала: «Памятники, которые можно было бы связать с хазарским этносом ... единичны. Предположения об их хазарском происхождении все еще подвергаются в археологической науке сомнениям и дискутируются». Одну из глав она посвятила рассмотрению археологических памятников, найденных в принадлежавших самим хазарам Северокавказских и Волго-Каспийских степях.

Г.А. Афанасьев подверг нигилистической критике методику отбора С.А. Плетневой признаков, определяющих для салтовской культуры. В полемическом задоре он заявил, что полуземлянки и жилища на каменных цоколях и другие 18 признаков встречаются по всей Евразии от Испании до Китая и не маркируют салтовскую культуру. Вопреки собственной критике, Г. А. Афанасьев, пользуясь признаками, выделенными С. А. Плетневой, связывает с этническими хазарами открытые в Волго-Донском междуречье, в Ставропольском и Краснодарском краях, в Ростовской, Волгоградской, Астраханской областях и Калмыкии курганы с квадратными ровиками, а также погребения, раскопанные А.Г. Атавиным в Восточном Приазовье [25, с. 43-55; 26, с. 208-264].

Следует отметить, что для идентификации принадлежавших этническим хазарам ранних археологических памятников необходимо попытаться по письменным источникам прояснить дату их появления в Каспийско-Причерноморском междуморье и этногенез, а также определить регионы, в которых они расселились. Суждения многих исследователей по названным проблемам зачастую основаны на некритическом чтении источников или на анахронических сюжетах в сочинениях более позднего времени.

Дата миграции хазар в регион между Каспием и Черным морем.

Самым ранним сообщением о хазарах считали содержащийся в труде Мовсеса Хоренаци рассказ об их вторжении в Закавказье при царе Валарше [27, II, с. 65] между 197 и 217 гг. н.э. [28, р. 8-9]. Д. М. Данлоп, не вдаваясь в полемику о годах жизни Хоренаци, обоснованно полагает, что эпизоды с участием хазар могли добавить в IX или VIII вв. [28, р. 8-9], а А. П. Новосельцев датирует эти рассказы о хазарах не ранее VI в. [29, с. 29-30]. По мнению М. И. Артамонова, упоминания хазар и каганов во II-III вв. в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и в IV в. в «Истории страны алван» Мовсеса Каланкатваци являются анахронизмами, привнесенными авторами, жившими «...тогда, когда хазары и каганы действительно существовали» [13, с. 115-116]. По утверждению А. П. Новосельцева, Т. М. Калининой и др., присутствие хазар на Кавказе [29, с. 32] или в Восточной Европе [30, с. 26-27] впервые засвидетельствовано в завершенной в 569 г. хронике Захария Ритора из Митилены [31, р. 6]. В датированном 555 г. географическом описании мира среди 13 народов, живущих в шатрах «за Ка-

спийскими воротами» (за Дербентским горным проходом), названы оногуры, кутригуры, болгары, хазары, авары, сабиры, саругуры [31, р. 328; 32, с. 228]. По словам К. Цукермана, поскольку автор хроники, так же, как и Птолемей, перечислял племена, населявшие все пространство Азиатской Сарматии, от Кавказского хребта до истоков Камы, то нет оснований локализовать хазар именно близ Византии. По предположению К. Цукермана, в 555 г. хазары обитали западнее южных отрогов Уральских гор, на северо-западной окраине тюркского каганата [33, с. 313-314, 329]. С. Г. Кляшторный считает, что Захарий Ритор впервые достоверно зафиксировал этноним хазары, поместив их на седьмом месте в списке тринадцати народов, обитавших в степях Северного Кавказа и в Средней Азии. Однако он справедливо указал на невозможность по такому перечню определить место обитания хазар [34, с. 65]. Многие историки не сомневаются в аутентичности сообщения арабских авторов IX в. и более позднего периода об участии хазар в событиях в Закавказье в VI – начале VII вв. М. И. Артамонов критически относился к сообщениям арабов о походах хазар в VI в. в Дагестан и Закавказье, отмечая отсутствие подтверждений этих сведений у византийских авторов [13, с. 116-117]. Как показал А. П. Новосельцев, эти ранние упоминания хазар противоречивы, недостоверны и зачастую заимствованы из переводов на арабский язык среднеперсидских сочинений [29, с. 23-27, 84-85].

Византийские, армянские, грузинские и арабские источники рассказывают о союзе тюрков или хазар с императором Ираклием в 626-628 гг. во время его войны с персами в Закавказье [35, S. 43]. В приписываемой епископу Себеосу «Истории Армении» идет речь о союзных византийцам всадниках кагана – царя народа севера [36, с. 58-60]. В созданном в 780-х гг. «Бревиарии» патриарха Никифора [37, р. 12, 54-57, 66-67] и во входящем в состав свода грузинских летописей «Картлис цховреба» труде автора XI в. Джуаншера Джуаншериани «Жизнь Вахтанга Горгасала» [38, с. 100] союзники Ираклия названы тюрками. В составленной к 813 г. «Хронографии» Феофана Исповедника говорится о союзе Ираклия с «восточными тюрками, которые называются хазарами» [39, р. 446]. Хазарами именовали союзников Ираклия и другие поздние авторы, например, арабский энциклопедист ал-Мас'уди (ум. в 956 г.) [29, с. 86, прим. 183] и сирийский хронист XII в. Михаил Сириец [40, р. 409].

В содержащемся во второй главе «Истории Албании» подробном описании кавказского похода Ираклия его союзники названы хазирами [41, кн. II, гл. 9, 11], «воинами севера», или тюрками [41, кн. II, гл. 12; 33, с. 320]. Это сочинение приписывают автору, которого звали Мовсес Каланкатуаци [42, III; 43, с. 14-19] или Мовсес Дасхуранци [44, XIX], и относят к VII и X векам. Д. М. Данлоп, М. И. Артамонов, В. В. Бартольд, А. П. Новосельцев и другие, основываясь в значительной степени на текстах Феофана и Мовсеса Дасхуранци, считали, что союзное Ираклию тюркское войско, в основном, состояло из хазар [28, р. 28-32; 13, с. 155-156, 175-176; 45, с. 510; 29, с. 86-87].

По мнению П. Голдена, в данном контексте армянские и византийские источники, возможно, анахронично использовали этноним хазары [46, р. 50; 47, с. 58]. По предположению К. Цукермана, главы «Истории Албании» о походе Ираклия составили в X в. из двух разновременных текстов. Написанный вскоре после персидской войны Ираклия ранний источник отождествлял его союзников с тюрками, тогда как автор созданного уже в 670 году позднего источника назвал тюрков-союзников Ираклия – хазирами [33, с. 315-321].

Арабские историки рассказывали о первых нападениях арабов на, вероятно, находившийся в приморском Дагестане [29, с. 123-124] город Баланджар [13, с. 179; 48, с. 76-77; 49, с. 67-74]. Д. М. Данлоп назвал эти рейды «Первой арабо-хазарской войной» [28, р. 41, 46-57]. По словам А. П. Новосельцева, арабские историки вполне определенно говорят о господстве хазар в Закавказье лишь в 80-90-х гг. VII в. [29, с. 176]. Ссылаясь на сочинение аТ-Табари, П. Голден писал о начале арабо-хазарского противостояния на Северном Кавказе в 642 г. [46, р. 50]. аТ-Табари (838-923 гг.) повествует о гибели Салмана и его брата Абдаррахмана в 22/642-43 гг. под Баланджаром, но здесь же упоминает о гибели Абдаррахмана при халифе Усмани (644-656) гг. [50, р. 2663-2671]. Повествуя о событиях 32/653-54 гг., аТ-Табари вновь говорит о походе Салмана на Дербент [50, р. 2889, 2893]. Халифа (ум. 855/856 гг.) отнес поход Салмана и его гибель под Баланджаром к 29/649-50 гг. [51, с. 36, 44], а ал-Балазури (820-892 гг.) – к времени правления халифа Усмана [52, р. 198]. Повествовавшие об этих событиях спустя 150-200 лет авторы путали имена атаковавших Баланджар полководцев, родных братьев Абдаррахмана и Салмана [13, с. 179; 29, с. 174]. Й. Маркварт считал, что описанное ат-Табари нападение на Баланджар необходимо датировать 652 г. [35, S. 491]. М. И. Артамонов оправданно сомневался в достоверности упомянутого сообщения о походе арабов на хазарский Баланджар в 22/642-43 гг. [13, с. 179-180; 53, с. 256]. По мнению О. Г. Большакова, все эти авторы писали об одном походе на Баланджар. Он, сопоставив тексты арабских сочинений и Себеоса, отнес поход к 653 г. [54, с. 170-175, 252, прим. 65, 254]. Вероятно, в перечисленных произведениях идет речь не о хазарах, а о тюрках. аТ-Табари именовал защитников Баланджара тюрками [13, с. 179], Себеос – гуннами или народом севера [36, с. 125], а в тексте Халифы и вовсе отсутствует информация о противнике Салмана [51, с. 36].

Достоверное описание первого вторжения хазар в регион между Каспием и Черным морем дано в «Армянской географии» современника этого события Анания Ширакаци. Известны составленная около 665 г. пространная редакция текста и, вероятно, спустя несколько лет сокращенная и измененная редакция [55; 56; 33, с. 225]. В пространной редакции сообщается о бегстве от хазар болгар Аспаруха, сына Кубрата, которые с Гиппийских или Булгарских гор перебрались в дельту Дуная [55, с. 28; 56, р. 48, 55, 93, 94, 110].

Никифор и Феофан изложили это событие в иной последовательности. По-

сле кончины правителя Великой Булгарии Кубрата болгары разделились и рассеялись. Четверо из пяти его сыновей со своими племенами перекочевали из Приазовья на новые земли. Племя одного из сыновей Аспаруха поселилось в низовьях Дуная. Потом «...великий народ хазар вышел из глубин Берзилии, из Первой Сарматии и завоевал всю страну...» вплоть до моря Понтийского и подчинили себе племя старшего сына Кубрата, Батбаяна [37, р. 86-89; 39, р. 497-498]. По Феофану [39, р. 498] и Никифору [37, р. 88-89], Кубрат скончался «во времена Константина, который жил на западе» (Констант II), то есть между 641 и 668 гг. [57, с. 209-211; 58, р. 42]. Д. Д. Оболенский полагал, что Кубрат умер в 642 г. [59, с. 72], а О.Й. Прицак [60, S. 36, 76] и болгарские историки [61, с. 7-61] – в 665 г.

В армянских источниках имеются более точные хронологические реперы начала хазарской экспансии в Причерноморье и Закавказье. Согласно Ананию Ширакаци, до 665 г. Аспарух уже бежал от хазар [56, р. 55]. По рассказу Мовсея Дасхуранци, хазары вторглись на территорию Албании через два года после того, как Константин II на девятнадцатом году своего царствования (659/660 г.) совершил поход в Персию [41, кн. II, гл. 22-24].

По словам М. И. Артамонова, хазары изгнали орду Аспаруха в дельту Дуная около 660 г. [13, с. 172]. Опираясь на текст Дасхуранци, П. Голден датировал хазарские рейды в Албанию не ранее 661-662 гг. По его утверждению, к 670-м гг. хазары полностью разгромили болгар, а тех из них, кто не бежал к Дунаю, включили в возглавляемый хазарами союз племен [46, р. 50].

К. Цукерман, основываясь на текстах Ширакаци и Дасхуранци, утверждал, что хазары разбили Аспаруха незадолго до составления в 665 г. длинной версии «Армянской Географии», а в Закавказье впервые вторглись в 685 г. [33, с. 330-332].

О достоверности рассказа Никифора о «безнаказанном захвате» хазарами всех селений у Понта [37, р. 88-89] свидетельствуют результаты раскопок боспорских городов [62, с. 137, 190; 63, S. 124, 177]. В Тиритаке экспедиция В.Ф. Гайдукевича на участке XIII раскопала руины базилики VI-VII вв., в северо-восточном нефе которой построили типичное для салтовской культуры жилище VIII-IX вв. [64, с. 203-204, рис. 1; 65, с. 67-72]. Как установил А.В. Гадло, изучавший полевые материалы экспедиции В. Ф. Гайдукевича в архиве ИИМК, жилище возвели на остатках кладки стен и на полу базилики вскоре после ее разрушения [66, с. 144-145]. В Тиритаке (рис. 1,3) [65, с. 49-55, 126-131, рис. 160, 161, 163, 164; 67] еще в нескольких раскопах, а также в Илурате (рис. 1,8) [68, с. 134-136] руины с вещами и керамикой VI-VII вв. перекрывали жилища VIII-IX вв. [62, с. 137, 190; 63, S. 124, 177]. Подобная стратиграфия зафиксирована в Фанагории (рис. 1,33), Кепях, Гермонассе (рис. 1,34) и Патрее (рис. 1,32), где поверх слоев с руинами построек V-VII вв. соорудили жилища VIII-IX вв. [69, с. 317-320, 344, рис. 1; 70, с. 63, табл. 39; 71, с. 148, рис. 8; 24, с. 132-150; 72, с. 74-77; 73, с. 56-58, рис. 3; 74, с. 393-428]. В городе Боспоре (рис. 1,2) на примыкавшей к церкви Иоанна Предтечи бывшей Рыночной площади в 1960-80-е гг.

Т. И. Макарова в раскопе площадью около 400 кв. м выявила развалины городских кварталов и базилики с крещальной VI-VII вв., перекрытые слоем пожара. Она связала пожар с вторжением хазар в VII в. [75, с. 76; 76, с. 98, 99, рис. 5; 77, с. 345, 356-358, 390, рис. 2]. М. И. Артамонов, основываясь на описании плачевного состояния экономики Херсона, данном в письмах сосланного в 655 г. в город папы Мартина, относил захват хазарами Крыма к середине VII в. [13, с. 195-196]. Однако в письмах старого, больного, не по своей воле оказавшегося в Херсоне папы идет речь не о хазарах, а о реальных сезонных затруднениях в городе с продовольствием и его дороговизне [78, с. 179; 62, с. 170; 63, S. 156]. По словам А. Л. Якобсона, хазары захватили Приазовье и Боспор к 70-м гг. VII в. [19, с. 468].

Terminus post quem для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье и Приазовье дает мощный слой пожара, который экспедиция под моим руководством выявила в 1990-1992 гг. в приморской части г. Боспора (в Керчи, в Кооперативном переулке) в раскопе площадью около 1500 кв. м [79, с. 169; 80, р. 33, 35, fig. 2; 63, S. 170-171, Abb. 54-56]. На всей площади раскопа прослежены слой серо-коричневого суглинка Г, который перекрывал слой пожара В, уничтожившего дома VI-VII вв., сооруженные в слое Д [80, fig. 2; 63, Abb. 54]. Поскольку благодаря новым публикациям появилась возможность уточнить определения найденной в этих слоях краснолаковой керамики, привожу исправленный список датированных фрагментов керамики, извлеченной из упомянутых слоев. Пользуясь случаем, благодарю А. В. Смокотину за помощь в определении краснолаковой керамики.

В слое серо-коричневого суглинка Г обнаружены остатки сооружений двух строительных периодов: VIII – первой половины IX вв. и конца IX – X вв. У основания жилища раннего строительного периода [63, S. 174] нашли определенный В. А. Сидоренко фоллис первого периода правления Юстиниана II (686/687 гг.) [81, р. 584, pl. XXXVII,18a].

В слое пожара В находились фрагменты горшков (рис. 2,28), краснолаковых мисок формы LRC-10C первой половины VII в. (рис. 2,32) [82, р. 345, 346, fig. 71,15], фрагменты амфор типов Якобсон 7 (рис. 2,29,33) [83, рис. 2,3; 3,1], Зеест 95 с веретенообразным туловом или LR-10 (рис. 2,30) [84, табл. XXXVIII,20; 85, fig. 48] и стенки амфор с зональным рифлением (рис. 2,31). Найденные в том же слое фрагменты желобчатых стенок амфор из желтой и желтовато-розовой глины близки стенкам амфор типа LR-1 из комплексов конца VI – VII вв. из Херсона [86, с. 24, 25, 31, 34, рис. 33, 34, 56, 65; 85, р. 212-216, fig. 91,337,346,347].

Из слоя Д, наряду с фрагментами амфор типа Sarachane 10 (рис. 2,18), найденных в слоях VII-VIII вв. [87, р. 66, fig. 23,7] и типов Зеест 99 (рис. 2,24) [84, табл. XXIX,99a,б], 103 или Якобсон 7 (рис. 2,6,13,20) [84, табл. XL,103; 83, с. 12, рис. 3,1], фрагментами понтийских краснолаковых блюд второй половины IV – первой половины V вв. PRS 1 (рис. 2,3) [88, р. 77], конца IV – первой половины

V вв. форм PRS (рис. 2,22), PRS 1A/B (рис. 2,25,26) [88, р. 77] и PRS 4 (рис. 2,11) [89, р. 427, cat. no 568-574], извлекли полуфоллис Константа II, чеканенный, по определению В. А. Сидоренко, между 654-659-м гг. [81, р. 38-39, 510], фрагменты краснолаковых блюд формы LRC со штампами вариантов 35/2 (рис. 2,4) [82, р. 357] и 71/III (рис. 2,5) [82, р. 367], фрагменты краснолаковых мисок формы ARS 82B (рис. 2,2), известной в Средиземноморье с конца V – VI вв. [82, р. 128-131, fig. 23,7], формы 3 LRC (рис. 2,1), обычной в Византии со второй половины V в. [82, р. 333, 337, fig. 68,10], блюда формы PRS 7 (рис. 2,23), встреченной в Танаисе в слоях второй половины V – первой четверти VI вв. [89, р. 427, fig. 13,575-577], блюд формы LRC 3F (рис. 2,21) [82, р. 333-338, fig. 69,17], формы LRC-10A (рис. 2,7-10,12,15,16,17,19) [82, р. 343, 346, fig. 71,1,2,6] и LRC-10C (рис. 2,14) [82, р. 343-346, fig. 71,11-15]. Дж. Хейс допустил возможность бытования отнесенных ко второй половине VI – первой половине VII вв. форм LRC 3F и LRC-10 на протяжении VII в. [90, р. 13-15].

По сочетанию циклов бытования рассмотренной керамики и монете 654-659 гг. период существования слоя Д следует ограничить последней четвертью VI – 60-ми гг. VII вв. Перекрывающий его слой пожара В образовался не ранее 660 г. Судя по зафиксированной в раскопах в Кооперативном переулке и на бывшей Рыночной площади стратиграфии, большая часть византийского Боспора была уничтожена пожаром. Дата пожара согласуется с рассказом «Армянской Географии» о захвате хазарами до 665 г. Северного Причерноморья [56, р. 55; 33, с. 331-332]. Очевидно, миграция хазар к Понту началась после дезинтеграции разгромленного китайцами в 659 г. Западного тюркского каганата [46, р. 50; 34, с. 98].

Дискуссия о происхождении хазар.

Проблеме этногенеза хазар посвящено огромное количество публикаций. Наиболее обсуждаемые гипотезы происхождения хазар представлены в историографическом обзоре П. Голдена [47, с. 57].

Авторы одной из гипотез (среди них и А. В. Гадло), цитируя «Космографию» Равеннского анонима конца VII в. («Иордан называет акацирами тот народ, который мы называем хазарами» [91, р. 168]), отождествляли хазар с акацирами Иордана [92, с. 59-60]. Однако П. Голден, так же, как Й. Маркварт, Д. М. Данлоп и М. И. Артамонов, аргументировали недопустимость отождествления этих этнонимов [35, S. 41, n. 2; 28, р. 7; 13, с. 56].

М. И. Артамонов, а вслед за ним А. П. Новосельцев и другие, доказывали формирование хазарского этноса в результате ассимиляции выходцев из Западной Сибири савиров тюрками-хазарами. М. И. Артамонов считал, что после отделения в 651 г. хазар от Западнотюркского каганата в европейских степях существовали Хазарское и Болгарское политические образования [13, с. 114, 127, 171, 172]. По утверждению же А. П. Новосельцева, хазарское и другие политические объединения, подчиненные Тюркскому каганату, существовали на

Северном Кавказе уже во второй половине VI в. В первой же четверти VII в. в названном регионе возникли хазарское и болгарское государства, правители которых признавали верховную власть хакана тюрков [29, с. 82-83, 86-89]. Однако столь ранняя датировка появления хазар на Северном Кавказе не подтверждается рассмотренными выше письменными источниками.

Д. М. Данлоп допускал уйгурское происхождение этнонима хазар [28, р. 34-40]. В содержащихся в танском своде источников перечнях уйгурских племен VII-VIII вв. упомянуто племя коса, с которым связывают этноним касар/казар [93, р. 58; 34, с. 66].

По предположению П. Голдена, хазары представляли собой образованный огурами, савирами и тюрками племенной союз, возглавляемый выходцами из Западнотюркского государства [93, р. 53; 47, с. 57]. По его заключению, имя Qazaq стали употреблять между 630-650 гг. во время отделения конфедерации хазар и оногуров/оногундуrow-булгар от Западного тюркского каганата, еще до разгрома последнего китайцами в 659 г. Вначале это имя могло быть описательным или социальным термином, а позже приобрело значение этнонима [46, р. 50; 47, с. 58].

Проблема идентификации материальной культуры хазар в период завоевания степей между Каспием и Черным морем.

Как отмечалось выше, согласно Феофану, Никифору и Ананию Ширакаци, миграция хазар в понтийские степи началась между 660 и 665 гг. после ухода болгар Аспаруха или их изгнания в устье Дуная. Об изгнании хазарами болгарских племен из степей Северного Причерноморья сообщается и в более позднем источнике – письме хазарского царя Иосифа сановнику халифа Омейядской Кордовы Хасдаю ибн Шафруту (905-975 гг.) [94, с. 92]. По Феофану и Никифору, хазары вторглись из глубин Барсиллии из Первой Сарматии, а по Ананию Ширакаци – из-за Гиппийских или Булгарских гор. Ананий Ширакаци помещал в Первой Сарматии у реки Итиль (Волга) и Гиппийские горы, и страну Барсилов. По его рассказу, барсилы обитали на острове Черном, находившемся среди реки Итиль, рукава которой за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море, отделяя Сарматию от Скифии. Сюда, на расположенные на востоке от реки зимние пастбища приходили хазары [55, с. 28; 56, р. 55]. Исходя из текста Анания Ширакаци, М. И. Артамонов локализовал болгар Кубрата в Гиппийских горах (там, где Волга поворачивает к востоку и образует дельту), которые он отождествлял с Ергенями вместе со Ставропольской возвышенностью [13, с. 170-172]. По словам А. В. Гадло, в VII в. река Волга значительно западнее, чем в наши дни, впадала в Каспий вместе с реками Восточный Маныч и Кума, образуя единую систему протоков. Богатейшие пастбища, занимающие междуречье Волги и Кумы или Восточного Маныча, калмыки издавна называли Черными землями (рис. 1). По утверждению А. В. Гадло, здесь и следует локализовать населенный барсилами остров Черный [92, с. 65-66]. Черные земли находятся в

юго-восточной части Калмыкии и на южном правом берегу Астраханской области. Их граница на юго-востоке-востоке омывается Каспийским морем, на юге проходит вдоль Кумо-Маньчской впадины, на западе – вдоль восточных отрогов Ергенинской возвышенности к северу до средней части Ергеней, поворачивает на северо-восток и на стыке с Сарпинской низменностью протягивается до правобережья Волги, спускаясь на северо-востоке к волжской дельте и Каспию. С выводом А. В. Гадло о местонахождении Барсилии согласился и С. Г. Кляшторный [34, с. 65-66]. По мнению К. Цукермана, в тексте Ширакаци описаны не протоки дельты Волги, а притоки ее верховьев. Поэтому он предложил отождествить Гиппийские горы с Донецким кряжем и высотами Белогорья, Барсилию – с Самарской Лукой. В таком случае хазары вторглись из региона, расположенного на 1000 км севернее традиционной локализации (рис. 1). По предположению К. Цукермана, хазары разбили болгар Аспаруха после того, как последние совершили экспансию далеко на север [33, с. 325-330]. Как мне представляется, именно предложенная А. В. Гадло локализация Барсилии опирается на содержащееся в тексте Анания Ширакаци описание низовьев Волги: «рукава реки Атль за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море» [55, с. 30, 31; 56, р. 48, 55]. Миграционный маршрут племени Аспаруха детально описан Никиформ: из Прикубанья, где кочевали болгары до кончины Кубрата, народ Аспаруха пересек Днепр и Днестр и поселился в низовьях Истра (Дуная) [37, р. 88-89].

На путях миграции хазар из Прикаспия в степи Северного Причерноморья, а именно в Приазовье, в низовьях Днепра и Буга, в степях Крыма (рис. 1) выявлены выкопанные в уже существовавших курганах одиночные могилы кочевников с конями, а также погребальные сооружения кочевнической знати. В могилах кочевников скелеты ориентированы черепом на северо-восток или восток. В мужских захоронениях находились скелет, чучело или череп коня и оружие.

В Степном Крыму близ села Портовое (рис. 1,4) в обнаруженной в насыпи кургана 12 подбойной могиле на дне подбоя зачищен скелет мужчины, у северо-восточного борта ямы – череп овцы, рядом со ступенькой – кости овцы, а на ступеньке – скелет лошади, ориентированный черепом на северо-восток (рис. 3,1). В могиле нашли железный меч, наконечники стрел, пряжку (рис. 3,5) детали поясного набора (рис. 3,1-4,6-11) и конской сбруи [95, с. 199, рис. 9; 80, р. 49, fig. 10]. Подобный обряд зафиксирован в Побужье в Костогрызово (рис. 1,19) и в Прикубанье в Калининской (рис. 1,14) в кургане 10 (с чучелом коня). В Белозерке (рис. 1,18), Старонижнестеблиевской (рис. 1,15), Чапаевском (рис. 1,12), Калининской в кургане 30 и, вероятно, в Новых Сенжарах (рис. 1,22) чучело или скелет коня и скелет человека лежали рядом на дне широкой ямы (в Белозерке – под звериной шкурой). В некоторых названных могилах обнаружены также кости барана или коровы. Сейчас уже трудно установить тип захоронений с конем, разрушенных

в Келегеях (рис. 1,17) и Ясиново (рис. 1,20) [95, с. 191-202, рис. 9; 80, р. 49, fig. 1; 26, с. 208-209, рис. 4,8,12,23].

В погребениях женщин конские кости отсутствовали. В Восточном Крыму в Новопокровке (рис. 1,5) могилу выкопали на территории заброшенного античного поселения. Скелет женщины ориентирован черепом на северо-восток. Под костяком прослежен древесный тлен от носилок или настила (рис. 4,1). Справа и слева от шейных позвонков лежали золотые височные подвески, украшенные зернью и вставками из красного, синего и зеленого стекла (рис. 4,5,6), в верхней части грудной клетки – золотая круглая бляха со вставками из альмандина (рис. 4,4) и три янтарные бусины (рис. 4,3), у кисти левой руки – сломанное в древности бронзовое зеркало (рис. 4,2) и пинцет (рис. 4,1), у кисти правой руки – череп, кости ног и ребра овцы или козы, на тазовых костях – железные нож (рис. 4,8) и шило (рис. 4,7) [80, р. 49, fig. 11]. Подобное погребение раскопано и в Восточном Приазовье у хутора Малаи (рис. 1,11) [26, с. 209, табл. 20].

Дата совершения захоронений определяется по их инвентарю.

Биметаллические наконечники ремня и бляшки из Портового (рис. 3,1-4,6-11) [95, с. 198, рис. 8,23,27,29,30-32] и Белозерки (рис. 1,18) [95, с. 198, рис. 8,1,2] состоят из литой серебряной основы с отверстиями, в которые припаяны золотые гнезда со вставками из коричневого стекла, окаймленные золотыми зернинками. Гнездами со стеклянными вставками, окаймленными напаянной зернью, декорированы накладки на поясные или сбруйные ремни из Келегей (рис. 1,17) [96, рис. 2,11,12], Перещепины (рис. 1,23) [97, кат. №№ 44, 45, 48-53], из Крыма, хранящиеся в Британском музее в коллекции А. Л. Бертье-Делагарда, из Керчи и Херсонеса [95, с. 198, рис. 8,38-40], из Венгрии (Тепе, Боча), Албании (Врап), Ирана [98, Taf. 14; 15; 19,1,3; 20,1], из аланских катакомб Северного Кавказа (Верхняя Рутха, Кудентова) [13, с. 129]. На серебряный наконечник ремня из кургана 30 из станицы Калининской напаяна тонкая золотая пластинка с зернью [26, табл. 13,5]. Вещи с полихромными стеклянными вставками и зернью распространились во второй половине VII в. из Византии.

В том же стиле украшены золотые височные подвески из Новопокровки (рис. 4,5,6) [80, р. 49, fig. 11,7,8]. Подобные подвески извлечены из могил конца VII в., разрушенных в деревне Джигинское (Михаэльсфелд) на черноморском побережье Прикубанья (рис. 1,10) [99, с. 200-202, рис. 115-116] и в Уфе.

В рассматриваемых захоронениях самыми поздними вещами являются: в Келегеях – золотые детали ножен меча, крест, полушаровидные гладкие и орнаментированные пальметой бляшки и серьга с выступом на кольце, серебряная и бронзовые пряжки с трапецевидной рамкой вариантов I-6 и II-6; в Новых Сенжарах – аналогичная серьга, трапецевидная пряжка варианта II-6; в Портовом и Чапаевском – пряжки с трапецевидной рамкой варианта I-8 (рис. 3,5), типичные для крымских комплексов последней четверти VII – начала VIII вв. [100, с. 49, 50, 55, рис. 2,162,169,170,174; 46,7,27; 51,50; 26, табл. 6,4]. Имитации

псевдопряжек из могилы у хутора Малаи близки штампованным бляшкам, найденным в Лучистом в верхнем слое в склепе 36 в последнем захоронении второй половины VII в. [101, с. 32, рис. 18,5]. В кургане 10 в Калининской найдены обломок железного стремена, узкие килевидные наконечники ремней и прорезная прямоугольная бляшка, характерные для конца VII – первой половины VIII вв. [102, рис. 4а,41; 100, рис. 53,12-14; 63, Taf. 32,8; 26, рис. 9,1,2; 10,8; 11,7]. Меч из Ясиново по форме узкого прямого двулезвийного клинка и выкованного вместе с ним асимметричного черенка рукояти (рис. 5,8) [95, рис. 1,5] аналогичен обнаруженным в аварских могилах конца VII в., в помещении начала VIII в. в Пенджикенте и на свалке VIII в. в Афрасиабе [103, с. 78, рис. 49,2,3], в катакомбе IX в. в Дмитриевском [21, с. 157, 158, рис. 43,2]. Комплекс из Ясиново по золотым серьгам с выступом на кольце (рис. 5,6,7), украшению в виде колесика (рис. 5,3), перстню (рис. 5,5), деталям поясного набора (рис. 6,1,1-7) и железным стременам (рис. 5,4) и удилам (рис. 5,1) датируется первой половиной VIII в. [95, с. 196, рис. 1,2; 2,1-6,8,11,12; 80, p. 51, fig. 12,2-8].

Рассмотренные ориентированные на северо-восток и восток труположения с конем появились в степях Северного Причерноморья не ранее последней трети VII в. По конструкции и погребальному обряду они близки раскопанным на Алтае, в Туве, в Восточном Казахстане и в других соседних регионах. Многие специалисты приписывают их тюркам-тугю [104, с. 33, рис. 1,3; 105, с. 58-60, 104-106, табл. XXXI; 106, с. 334; 107, с. 121; 108, с. 121, 138; 109, с. 195, 201; 110, с. 90, 91; 111, с. 31-33].

Сооружения с многочисленными деталями конской сбруи найдены в бассейнах рек Днепра – Малая Перещепина (рис. 1,23), Вознесенка (рис. 1,30) и Северного Буга – Гладоссы (рис. 1,21).

В Малой Перещепине (в 20 километрах от Полтавы) (рис. 1,23) в песчаной дюне на глубине от 18 см до 1 м от поверхности песка в 1912 г. обнаружили вещи, лежавшие в пространстве около 1,5 м в поперечнике. Между предметами найдены сгнившие куски дубовых «дощатых брусьев» и остатки коричневой шелковой ткани [112, с. 207-208]. Полная публикация всех находок вышла в 1997 г. [97]. В Эрмитаж поступили византийские серебряные и золотые блюдо с латинской надписью о его возобновлении епископом Патерном, занимавшим кафедру в первой четверти VI в. в г. Томи, патера и рукомошник, использовавшиеся для омовения рук архиерея, с клеймами 582-602 гг., блюдо с крестом, амфора [97, кат. 1-5], бокалы, 70 золотых монет (одна из них, солид Ираклия, хранится в Полтавском музее) [113, с. 146], золотые перстни с греческими монограммами Кубрата [97, с. 42, 283, кат. 13-15; 114, S. 429-431, Abb. 1-2], пряжка и обоймица для обуви (рис. 7,10,11), пуговицы, 4 поясных набора (от широкого ремня с большими пряжкой и наконечником, с псевдопряжками, с напаянной зернью, с геометрическими гнездами с инкрустацией) и серебряный поясной набор, золотые ножны меча аварского типа, серебряные ножны меча, более

200 бронзовых, плакированных золотой фольгой и декорированных зернью и инкрустацией цветным стеклом сбруйных блях, стеклянная рюмка, сасанидские серебряные блюдо со сценой охоты Шапура II и ваза, золотые блюдо, ваза и кувшин, согдийские золотые чаша, бокалы, обкладка кружки, детали седла и колчана, ножен меча и кинжалов, пряжка, аварские золотой ритон и серебряные стремена, сделанные тюрками на Алтае, два серебряных и золотой кувшины, золотые ложка, серьга с одетой на стержень бусиной из сапфира (рис. 7,8), три перстня со вставками из сапфира и тигрового глаза, гарнитур из гривны и двух браслетов со вставками из изумрудов, браслеты с утолщением, прямоугольные пластины, посох, пряжка и наконечник, меч с перекрестием с инкрустацией золотом (рис. 7,1), две серебряные подпружные пряжки, а также другие мелкие украшения одежды и сбруи. Общий вес золотых предметов более 21 кг.

В результате произведенного в Эрмитаже технологического и стилистического анализа вещей из Перещепины, они разделены на шесть групп, каждую из которых в определенное время включили в состав комплекса [97, с. 84]. И. Вернер по самым поздним монетам 641-646 гг. из состава комплекса отнес его к 650 г. [115, S. 17-18, 39, 40]. Однако А. К. Амброз считал перещепинский комплекс типичным для конца VII – начала VIII вв. [102, с. 20-21]. По мнению З.А. Львовой и Б.И. Маршака, перещепинский комплекс нельзя датировать по позднейшим монетам (640-е гг.), хотя бы потому, что монеты попали к владельцу сокровища не в последний период. По их словам, поскольку византийские монеты перестали поступать на Днепр с середины века, допустимо, вслед за А. К. Амброзом, отнести комплекс к последней четверти VII в. Кроме того, в недавней полной публикации погребения с однотипным инвентарем из Кунбабонь и Боча датируются временем после 670 года [116, р. 215, 218, 219]. Дата Перещепины никак не ранее даты этих комплексов [97, с. 99].

В дополнение к вышесказанному напомним, что владелец сокровищ использовал золотые монеты в качестве сырья для изготовления украшений. Двадцать шесть легких солидов 637/638 и 642-646 гг. были соединены в ожерелье, а на их лицевую сторону напаяли цилиндрические гнезда для вставок. Из тридцати легких и трех полновесных солидов (602-610 и 629-632 гг.) сделали нашивки на одежду, пробив по два дырки [97, кат. 39, 63-65]. Некоторые византийские вещи из состава комплекса сделаны уже после поступления монет к его владельцу – не ранее второй половины VII в. Например, большая золотая византийская пряжка с щитком с дисковидной тыльной частью датируется второй половиной VII в. по аналогиям из Византии, Юго-Западного Крыма [100, с. 47, рис. 44,8,10] и из визиготской Испании [117, р. 56, 58, 59, fig. 4,В,Е; 27,111-114; 28,2]. К тому же периоду относятся византийские золотые литые обувные пряжка и обоймица (рис. 7,10,11) [100, с. 42, рис. 2,149; 49,1], золотая пряжка с U-образным щитком (рис. 7,5) [97, кат. 101], подобная происходящим из Юго-Западного Крыма из захоронения второй половины VII в., зачищенного в склепе 257 на склоне кре-

пости Эски-Кермен (рис. 7,6) [101, с. 59, 61, рис. 29,3,4], а также с территории Самарской Луки (рис. 7,7) [118, с. 88, 92, 161, 162, рис. 14,6; 44,12; 80, р. 54, fig. 13,5-7]. Во второй половине VII в. изготовлена и серебряная пряжка с прямоугольными рамкой и щитком (рис. 7,9) [100, с. 49, рис. 2,177; 46,23; 97, кат. 123]. Золотая серьга с бусиной из сапфира (рис. 7,8) однотипна найденным в погребениях конца VII – VIII вв. в Юго-Западном Крыму [119, с. 178, рис. 5,10,16; 80, р. 54, fig. 13,8].

В составе комплекса имеются вещи, типичные для тюрок Южной Сибири, Алтая и Тувы. Как справедливо заметили Б. И. Маршак и З. А. Львова, золотые кувшин (рис. 8,1) [97, кат. 69] и облицовка деревянного кувшина (рис. 8,8) [97, кат. 70], а также два серебряных кувшина (рис. 8,2,3) [97, кат. 71] по форме, технологии изготовления и декору близки тюркским и согдийским [97, с. 81], но отличаются от византийских и аварских [116, Abb. 69]. Их ручки из шариков тождественны тюркским, танским и согдийским, известным, в основном, в VIII в. [120, табл. 25,26; 121, Fig. 49, 50, 53, 80, 88; 97, с. 98, 199-200, кат. 71]. Данные кувшины однотипны деревянным и серебряным кувшинам из захоронений тюрок (рис. 8,6,7) конца VII – X вв., открытых в Южной Сибири и в Туве [106, с. 334; табл. I,1; V,1; 122, с. 159, 160, рис. 8], а изображения похожих сосудов имеются на одновременных тюркских каменных изваяниях из тех же регионов (рис. 8,4,5) [123, с. 66-67, табл. II,1,2,6,13,19,37; 108, рис. 90; 111, рис. 22,9,12; 23,9,10,17,19,25]. Тюркским мастером сделан железный меч со съёмным перекрестием с инкрустацией золотом (рис. 7,1) [97, с. 172-174, кат. 55]. Техника инкрустации золотом по железу применялась на Алтае с середины I тысячелетия [124, с. 519-525]. В Поднепровье так декорированы только стремяна первой половины VIII в. из Вознесенки [125, с. 57, табл. VI,9]. По форме ромбической крестовины меч подобен мечам из Вознесенки (рис. 7,2,3) [126, рис. 5,34; 127, рис. 20,2-4] и мечу из Гладосса (рис. 7,4) [128, табл. VI,2; 126, рис. 4,3,10]. Мечи с похожей крестовиной изображены в росписях третьей четверти VII в. в Афрасиабе и в Пенджикенте [129, рис. 20; 97, с. 174]. Золотые пластины обкладки колчана и лук седла украшены такими же, как на бляшках из Ясинова (рис. 6,1,1-7) и Келегей, сложными пальметами с изогнутыми лепестками. Этот декор появился в Согде в VII в. [97, с. 98, 209-211, кат. 87, 88]. Аналогии золотому украшенному зерню колесу [97, кат. 43] известны только в комплексах, подобных по набору вещей перещепинскому: Макуховка и погребение первой половины VIII в. из Ясиново (рис. 5,3) [95, с. 195, рис. 2,6,7]. Перечисленные тюркские вещи являются самыми поздними в составе перещепинского комплекса.

В. Зайбт прочитал на золотых перстнях монограмму Кубрата. Только на одном перстне монограмма исполнена византийцем, а буквы на двух других золотых перстнях неумело скопированы [114, S. 429-431, Abb. 1-2]. По мнению И. Вернера, перстни говорят о том, что в Перещепине был погребен хан Великой Болгарии Кубрат [115, S. 31, 32, 35, 36, 38-44, Taf. 32,1,2; 114, S. 430-431, Abb. 1-2].

З. А. Львова считает прямоугольные пластины из шестой группы облицовкой деревянного погребального сооружения, подобного найденным в Венгрии, в Кунбабони и в Szeged Fehertow в могиле 82 с монетой 674-681 гг. [116, S. 23, 72-85, Abb. 23-29; 97, с. 221-224, кат. 99]. Однако в отчете, представленном в Императорскую археологическую комиссию, Н. Е. Макаренко писал об отсутствии на месте находки вещей каких-либо костей. Через 51 год один из находчиков вдруг вспомнил о лежавших в 0,5 м от вещей в золе кусках черепа человека и чашечках голени [97, с. 108]. Вряд ли его новый рассказ достоверен. Ведь через несколько дней после находки клада и находчики, и их односельчане говорили о том, что они не обнаружили на месте находки вещей человеческих костей. Быть может, комплекс находился в тайнике поминального памятника.

Хронология вещей позволяет предположить, что перещепинские сокровища собирали, по крайней мере, трое: вначале Куврат, после его смерти – наследник (возможно, Аспарух), а последним владельцем был какой-то знатный хазарин, умерший в начале VIII в. [95, с. 202; 62, с. 182; 63, S. 169]. А. В. Комар привел интересные аргументы в пользу своего утверждения о том, что сокровища из Перещепины принадлежали одному из первых хазарских каганов [127, с. 136, 238-239].

В Гладоссах (рис. 1,21) на склоне берега реки Сухой Ташлык на участке между двумя оврагами, огражденном рвом, нашли яму диаметром 1 м и глубиной 0,7 м (рис. 9,2). В ней, по словам находчиков, лежали две кучки пережженных костей. Над одной были сложены детали сбруи двух коней (двое удила, три стремена, золотые сбруйные бляхи), а рядом с другой – золотые серьги, три ожерелья с византийскими медальонами, браслеты, перстни, меч и кинжал с золотыми ножнами, копье, обломки четырех серебряных сасанидских сосудов. Среди костей определены кости черепа и ребра мужчины зрелого возраста со следами рубящих ударов и овечьи. По стременам, деталям ножен и сбруйным бляхам погребальное сооружение датировано рубежом VII-VIII вв. [128; 130, с. 88, 90; 102, с. 22, рис. 4а; 5; 7; 8; 126, с. 61]. Оно по конструкции и обряду захоронения аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культовым комплексам тюрков-тугю [131, с. 217-218]. Они с древности сжигали умерших вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями. Остатки кострища собирали и зарывали в могилу, вокруг которой сооружали культовую ограду. В результате контактов с соседями рядовые тюрки перестали кремировать покойников. Однако знать погребали по старому обряду и в первой половине VII в. В 634 г. кремировали кагана Тюркского каганата Хели, а в 639 г. – его племянника Хэлоху [132, с. 230, 277; 133, S. 9, 42; 111, с. 31].

В конце днепровских порогов близ села Вознесенка (рис. 1,30) на левом высоком берегу, на плато, окруженном с трех сторон балками и обрывистым берегом реки, раскопан участок размером 62x31 м, окруженный валом, насыпанным из земли, перемешанной с камнями (рис. 9,1). На огражденной территории в восточной части зачищено каменное кольцо площадью 29 кв. м. На его север-

ной границе выявлена яма размером 0,55x0,40 м, глубиной до 1 м. В ней найдены четыре слоя побывавших в огне вещей: в первом сверху – 58 железных стремян и обрывки кольчуги, во втором – железные 40 удила и 139 пряжек, гвозди, ножи, 7 наконечников стрел, в третьем – золотые и серебряные обломки ножен 3 палашей, портупейные бляшки и застежки, более 1400 бронзовых позолоченных украшений сбруйных ремней, обломки византийских серебряных сосудов, в том числе блюда с изображением собаки, две отлитые из серебра фигурки льва и навершие византийского военного штандарта в виде орла с лапами, обвитыми змеей. Сверху в вещи воткнули три палаша. Западнее расчищена другая яма (1,25x1,0 м, глубиной до 1,63 м), заполненная десятью слоями взятых из кольца камней, перемешанных с обгорелыми костями лошадей, стрелами, керамикой и кусками обожженной глины. На земле вокруг ямы лежали зубы и обломки костей более 800 коней, фрагменты амфор и кувшинов [125, с. 37-63; 134, рис. 1; 102, с. 19, 20; 131, с. 204-208, рис. 1,1]. Контрольные клейма на навершии штандарта в виде орла типичны для времени Константа II (641-668) или Константина IV (668-685) [135, р. 260, № 95]. На груди птицы вырезана крестовидная монограмма имени Петр в генетиве, то есть Петра – командира византийского военного подразделения [136, с. 202, 203, рис. 1-3]. По стремянам, сбруйным бляхам и пряжкам описанное сооружение отнесено к первой половине VIII в. А.К. Амброз аргументированно атрибутировал его как кочевнический поминальный храм [131, с. 206-213, рис. 1]. Подобный огражденный рвом и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица в Тюркском каганате Кюль-Тегина (рис. 9,3). Его площадь 1922 кв. м – всего на 12 кв. м меньше Вознесенского. В каркасном павильоне находились три обмазанные глиной ямы для жертвоприношений, а к западу от павильона – стоящий на остатках кострища большой каменный жертвенник с отверстием. Круглое каркасное сооружение прослежено и на поминальном памятнике в Сарыг-Булуне в Туве (рис. 9,4) [102, с. 20; 137, р. 92, 94-96, 105-113, obr. 42].

В Днепровской степи на склонах глубоких оврагов в Тарановом Яру (рис. 1,29) и Канцирке (рис. 1,31) открыты крупные гончарные мастерские. В первой мастерской раскопана одна обжигательная печь [138, с. 116-118], а во второй исследованы 20 обжигательных печей, 6 жилых и производственных помещений и 5 хозяйственных построек. В обеих мастерских из серой глины делали одноручные и трехручные кувшины с вытянутым сливом и двуручные сосуды с коротким горлом с поверхностью, покрытой лощением и резными линиями и рельефными валиками и шишечками (рис. 10,1-7) [139, Taf. 1-2]. По форме и декору данные сосуды аналогичны аланским северокавказским конца VII – IX вв. (рис. 10,8-12) [140, рис. 1,7; 5,8; 7,1; 11,7; 21,1,9; 27,18; 28,1; 52]. Вполне очевидно, что обе мастерские создали гончары, переселившиеся с Северного Кавказа [141, с. 17, 18; 142, с. 154, 155, рис. 56,1,3,6; 62, с. 183; 63, S. 170]. Другой вид продукции канцирских гончаров – темно-серые лощеные кувшины с отогнутым венчиком, округлым туловом

с процарапанными вертикальными полосами, овальной ручкой и плоским дном (рис. 10,9,10) – не типичен для аланской керамики [139, Taf. 4,10-11]. По форме они близки серебряному кувшину из погребения, раскопанного в горах Алтая [122, с. 159, 160, рис. 8], сосудам, изображенным на тюркских изваяниях конца VII – VIII вв. из Сибири [111, рис. 22,9; 23,9] и золотой обкладке деревянного сосуда из состава перещепинского комплекса [95, с. 196, рис. 6,2; 97, кат. 70]. Произведенная в Канцирке и Тарановом Яру аланская и тюркская керамика найдена в погребениях кочевников в Келегеях, Ясиново и на территории поминального комплекса в Вознесенке [142, с. 155; 95, с. 202, рис. 1,3; 62, с. 183; 63, S. 170]. В более поздний период в Канцирке изготавливали и обычные для салтовской культуры горшки с резным волнистым и линейным орнаментом [142, рис. 56,11].

По мнению А. А. Спицына, погребения из Келегей, Ясинова, Перещепины, Макуховки, Лимаровки принадлежали болгарам [143, л. 27-33]. Болгарам приписывали комплексы из Келегей, Ясинова и Перещепины А. Мароши, Н. Феттих [144, р. 59-60] и Н. Мавродинов [145, с. 203]. По предположению Г. Ф. Корзухиной, степные комплексы типа Перещепино зарыли в землю во время разгрома болгар хазарами [146, с. 68-74, 78-79]. М. И. Артамонов объединил известные ему погребальные комплексы кочевнической знати второй половины VII в. из Поднепровья в перещепинскую культуру, которая, по его мнению, возникла в регионе в результате вторжения хазар [147, S. 127]. С ним согласились Б. И. Маршак и К. М. Скалон [148, с. 12]. А. К. Амброз впервые интерпретировал богатые комплексы, выявленные в нижнем Поднепровье близ Малой Перещепины (рис. 1,23), Гладосс (рис. 1,21) и Вознесенки (рис. 1,30), как поминальные комплексы знатных тюрков, обитавших в Северном Причерноморье со второй половины VII в. [102, с. 20-22].

Автор данной статьи в публикации 1985 г. предложил выделить раннехазарскую перещепинскую археологическую культуру, в которую включил упомянутые выше погребения рядовых кочевников и поминальные комплексы в честь тюркской знати. Изучение взаимовстречаемости инвентаря этих погребений с однотипными вещами из раскопанных в Крыму захоронений позволило датировать степные памятники последней третью VII – первой половиной VIII вв. [95, с. 202]. И. О. Гавритухин разделил памятники перещепинской культуры на две сменявшие друг друга кочевнические культуры. Раннюю культуру типа Перещепино он отнес ко второй трети VII в., а позднюю культуру типа Вознесенка – к последней трети того же столетия. В обосновании периодизации И. О. Гавритухин проигнорировал поздние тюркские вещи из комплексов перещепинской культуры [149, с. 89-92, 274, рис. 90]. Поэтому его дату перещепинской культуры следует признать некорректной. С конца 1980-х гг. по настоящее время вышли десятки публикаций, авторы которых связывают памятники перещепинской культуры либо с хазарами, либо с болгарам. Их детальный историографический обзор представлен в публикациях Р. Рашева [150, с. 91-139], Е. В. Круглова [151, с. 427-451], А. В. Комара, А. И. Кубышева и Р. С. Орлова [127, с. 9, 15; 152, с. 349-355].

***

Рассмотренные выше погребения с конями и поминальные комплексы являются компонентами одной археологической культуры. Ее нельзя приписывать праболгарам Кубрата, поскольку ранние захоронения этой культуры появились в степях Северного Причерноморья и Приазовья не ранее последней трети VII в. вскоре после изгнания около 665 г. из региона хазарами одного из сыновей Кубрата и подчинения другого. Судя по конструкции погребальных сооружений и тюркским вещам, эту культуру создали номады, этнически однородные тюркам, кочевавшим на территории Южной Сибири, Тувы и Монголии. Вновь открытые С. Г. Кляшторным уйгурские источники помещали хазар и барсиллов на западе огузо-огузских племен. После распада тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии хазары и барсиллы создали собственное политическое объединение [34, с. 66-68]. В начале второй половины VII в. хазары уже пригоняли свои стада к заселенному барсилами Черному острову. Очевидно, хазары подчинили барсиллов. По словам Ширикаци, женой хазарского кагана была женщина из барсиллов [55, с. 28; 56, р. 55]. Вероятно, барсилам принадлежали захоронения всадников в курганах с ровиками, открытые на путях их миграций в Среднем [118, с. 81-82, 171-172] и Нижнем Поволжье (в междуречье Волги и Кумы или Восточного Маныча) [151, с. 427-453]. Вторгнувшимся в Причерноморье из глубин Барсии (рис. 1) около 665 г. хазарам принадлежала перещепинская культура, созданная в начальный период становления Хазарского каганата. Инвентарь могил красноречиво характеризует социальное положение погребенных. В могилах похоронены как рядовые воины, так и тюркская знать. Только хазарский каган мог переселить в конце VII в. с Северного Кавказа в степи Поднепровья артели аланских гончаров, снабжавших своей продукцией кочевавших в степях Северного Причерноморья хазар. Вероятно, в последней трети VII – первых десятилетиях VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они создали погребально-культурные комплексы кремнированных правителей каганата [62, с. 183, 185; 63, S. 170, 171].

Рассказ Феофана и Никифора о событиях, связанных с высылкой в Херсон в 695 г. Юстиниана II, дает основание говорить о захвате хазарами почти всего Крыма. В 704 г. ссыльный император из Херсона бежал в крепость готов Дорос (Мангуп), где оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии, который разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и дал ему в жены свою сестру. Согласно Феофану и Никифору, в начале VIII в. хазары уже полностью контролировали Боспорский пролив – важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. В рассказе о попытке убить Юстиниана II упомянуты наместники кагана, управлявшие крупнейшими городами на берегах пролива – Боспором и Фанагорией. Феофан писал о наместнике в Фанагории Папаце и архонте Боспора Балгице (*Βαλγίτζιν, τὸν ἄρχοντα Βοσφόρου*) [153, с. 39/62, 63]. Никифор

именовал наместника Фанагории «архонтом из единоплеменников» (кагана) [153, с. 155/163; 37, § 42,20]. По словам компилировавшего в XI в. «Хронографию» Феофана Георгия Кедрина, каган поручил убить Юстиниана II своим людям [154, р. 779, 7]. Слово «Βαλγίτζιη» тюркское. Его этимологию возводят к тюркскому *Bulgi* (*Bolgi*)*tsi*, *Balgichi* – «управитель» [155, р. 99; 28, р. 172; 156, S. 130-137; 157, р. 137, 138; 158, р. 256]. В документе, хранящемся в Кембридже, упомянут управлявший Боспором наместник кагана «ха-пакид». В древнееврейском языке это слово означает «начальник отряда, гарнизона» [157, р. 116-117]. В приморской части города раскопаны стены цитадели, возведенной хазарами [77, с. 345, 356-358, 390]. Они даже на короткий срок овладели Херсоном. В 711 г. посланная в город Юстинианом II карательная экспедиция захватила там хазарского тудуна. В составленном в X в. греческом словаре тудун назван «наместником у тюрков» [159, 763,24]. Титул тудун известен в древнетюркских и китайских источниках (*tu-tun* – на китайском) [160, с. 263; 161, S. 318, 319]. По свидетельству китайского историка, тудун занимал пятое по рангу место в тюркской иерархии [133, S. 8-9; 153, с. 101, 129, 130].

В Боспоре хазары селятся рядом с хазарской цитаделью в приморских кварталах. Здесь поверх развалин византийского периода без регулярной планировки сооружаются безфундаментная фактически наземная постройка и дома-пятитстенки с огороженными дворами. Стены домов сложены на каменном цоколе так называемой кладкой в елку. В качестве раствора использовалась глина. Во дворах имелись хозяйственные постройки и очаги. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не знали технологию каменного домостроительства. Такими же жилищами застраивается и захваченные хазарами Фанагория и другие города на Таманском полуострове [62, с. 185, 187, 189, рис. 79; 63, S. 172-176, Abb. 80]. Прием кладки в елку, видимо, привнесен хазарами из Приморского Дагестана [162, с. 150, рис. 58; 21, с. 63; 79, с. 173-174; 74, с. 393-428; 63, S. 176]. Очевидно, новый тип жилища возник на захваченной хазарами территории бывшего Боспорского царства. Из местной боспоро-византийской домостроительной традиции заимствованы лишь отдельные элементы описанных домов – каменные цоколи и глинобитные стены. Археологическая культура населявших город Боспор хазар по керамике и жилищам не отличается от созданного болгарами Батбаяна в Крыму и Приазовье крымского варианта салтово-маяцкой культуры [72, с. 72-115; 163, с. 217-248; 63, S. 176-181].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Самоквасов Д.Я.* Могилы русской земли. М. 1908.
2. *Бабенко В.А.* Памятники хазарской культуры на юге России // Труды XV археологического съезда. М., 1914. Т. 1.
3. *Спицын А.А.* Историко-археологические разыскания I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Новая серия. СПб., 1909. Январь, XIX.
4. *Готье Ю.В.* Железный век Восточной Европы. М.; Л., 1930.

5. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 131.
6. *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии // СА. 1940. VI.
7. *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
8. Труды Волго-Донской экспедиции. Т. I // МИА. 1958. № 62.
9. Труды Волго-Донской экспедиции. Т. II // МИА. 1959. № 75.
10. Труды Волго-Донской экспедиции. Т. III // МИА. 1963. № 109.
11. *Плетнева С.А.* Вспоминая М.И. Артамонова // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
12. *Медведевко Н.А.* История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Воронеж, 2006.
13. *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
14. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
15. *Барсамов Н.С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929-1931 гг. Феодосия, 1932.
16. *Арциховский А.В.* Лекции по археологии. Ч. II. М., 1938.
17. *Смирнов А.П.* К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. 1953. № 3.
18. *Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX-X ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
19. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958 № 85.
20. *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье. VIII-X вв. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1968. № 14, вып. 3.
21. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
22. *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
23. *Плетнева С.А.* Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.
24. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим, 1999.
25. *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
26. *Атавин А.Г.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
27. *Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. языка, примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990.
28. *Dunlop D.M.* The history of the jewish Khazars. Prinстон, 1954.
29. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
30. *Калинина Т.М.* Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
31. The Syriac chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / Ed. and tr. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London, 1899.
32. *Пигулевская Н.В.* Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в. // Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976.
33. *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.

34. *Кляшторный С.Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
35. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
36. *Себеос.* История. Ереван, 1939.
37. Nikephoros patriarch of Constantinople. Short history / Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.
38. *Джуаншвер Джуаншвериани.* Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер. и ком. Г. Цулая // Памятники грузинской исторической литературы. VI. Тбилиси, 1986.
39. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford, 1997.
40. *Michel le Syrien.* Chronique. Том 2 / Éd. J.-B. Chabot. Paris, 1901.
41. *Мовсес Каганкатваци.* История страны Алуанк / Перевод с древнеарм. Ш.В. Смбацяна. Ереван, 1984.
42. История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с арм. К. Патканяна, СПб., 1861.
43. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959.
44. The History of the Caucasian albanians by Movses-Dasxuranci / Transl. by C.J.F. Dowsett. Oxford, 1961. (London Oriental Series 8).
45. *Бартольд В.В.* Болгары // Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
46. *Golden P.* The Turkic peoples and Caucasia // Nomads and their Neighbour in the Steppe. Variorum collected studies series CS752. 2002.
47. *Голден П.* Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары. М.; Иерусалим, 2005.
48. *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988.
49. *Семенов И.Г.* К реконструкции военно-политической и этнической структуры раннего Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
50. Annales quos scripsit Abu Dja`far Mohammed ibn Djarir aṭ-Ṭabari. Lugduni Batavorum, 1879-1890. Ser. I. Т. 1-6; Ser. II. Т. 1-3; Ser. III. Т. 1-4.
51. *Бейлис В.М.* Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-`Усуфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000.
52. Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori, quem edidit M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
53. *Калинина Т.М.* Ал-хазар и ат-турк в произведениях арабо-персидских ученых // Хазары. М.; Иерусалим, 2005.
54. *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний. 633-656. М., 2000.
55. *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб., 1883. № 3.
56. *Hewsen R.H.* The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, 1992.
57. *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. III. 602-717 годы. СПб., 1996.
58. *Jenkins R.* Byzantium. The imperial centuries ad 610-1071. Toronto; London, 1987.
59. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1988.
60. *Pritsak O.* Dei bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1995.

61. *Божилев И., Димитров Х.* Протобулгарика (заметки по истории протоболгар до середины IX в) // *Byzantinbulgarica*. 1995. № 9.
62. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
63. *Ajbabin A.I.* Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // *Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz, 2011. Band 98.
64. *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // *СА*. 1940. VI.
65. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // *МИА*. 1952. № 25.
66. *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII-IX вв. // *АДСВ*. Свердловск, 1980.
67. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. // *БИ*. Симферополь; Керчь, 2009. Suppl. 5.
68. *Гайдукевич В.Ф.* Илурат // *МИА*. 1958. № 85.
69. *Башикиров А.С.* Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949-1951 гг. // *Ученые записки Ярославского пединститута*. Ярославль, 1957. Вып. XXII(XXXII).
70. *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. М., 1963.
71. *Паромов Я.А.* Археолого-топографический план Патрея // *Боспорский сборник*. М., 1993. Вып. 3.
72. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
73. *Долгоруков В.С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971-1972 гг. // *КСИА*. 1975. № 143.
74. *Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А.* Дома хазарского времени в Фанагории // *ПИФК*. 2010. № 1.
75. *Макарова Т.И.* Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // *КСИА*. 1965. № 104.
76. *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // *СА*. 1982. № 4.
77. *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // *МАИЭТ*. 1998. Вып. VI.
78. *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // *Причерноморье в средние века*. М., 1991.
79. *Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // *МАИЭТ*. 2000. Вып. VII.
80. *Ajbabin A.* Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par C. Zuckerman*. Paris, 2006.
81. *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Vol. II,1. Washington, 1968.
82. *Hayes J.W.* Late Roman Pottery. London, 1972.
83. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
84. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // *МИА*. 1960. № 83.
85. *Riley J.A.* The coarse pottery from Berenice. Excavations at Sidi Khrebish Bengazi (Berenice). Vol. II. Tripoli, 1979.
86. *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
87. *Hayes J.W.* The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
88. *Domžalski K.* La céramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // *Kazanski M., Mastykova A.* Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site. BAR. IS 1721-II. Vol. 2. Oxford, 2007.

89. *Arsen'eva T.M., Domzalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua*. Band 8. Berlin, 2002.
90. *Hayes J.W.* Introduction. The study of Roman pottery in the Mediterranean: 23 years after Late Roman Pottery // *Ceramica in Italia VI-VII secolo: atti del convegno in onore di John W. Hayes*, Roma, 11-13 maggio 1995. Firenze, 1998.
91. *Ravennatis anonymi cosmographia et Gvidonis geographika* / Ed. M. Pinder, G. Parthey. Berolini, 1860.
92. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
93. *Golden P.B.* Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, 1980.
94. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
95. *Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // *СА*. 1985. № 3.
96. *Айбабин А.* Келегейское погребение военного вождя // *Проблеми на прабългарската история и култура*. София, 1991. 2.
97. *Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоянкова Н.А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.
98. *Werner J.* Der Shcatzfund von Vrap in Albanien. Wien, 1989.
99. *Кондаков Н.П.* Русские клады. Т. I. СПб., 1896.
100. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // *МАИЭТ*. 1990. Вып. I.
101. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у с. Лучистое. Т.1. Раскопки 1977, 1982-1984 годов // *БИ*. Симферополь; Керчь, 2008. Suppl. 4.
102. *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М., 1981.
103. *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
104. *Спришевский В.И.* Погребение с конём середины I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // *Труды музея истории народов Узбекистана*. Ташкент, 1951. Вып. 1.
105. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
106. *Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции*. Л., 1966. Т. II.
107. *Дервянко Е.И.* Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н.э. // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. Новосибирск, 1978.
108. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М., 1979.
109. *Худяков Ю.С.* Типология погребений VI-XII вв. в Минусинской котловине // *Археологический поиск*. Новосибирск, 1980.
110. *Кубарев В.Д.* Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // *Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа*. Новосибирск, 1981.
111. *Могильников В.А.* Тюрки // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М., 1981.
112. *Макаренко Н.Е.* Перещепинский клад // *ИАК*. СПб., 1912. Вып. 46, прибавление.
113. *Соколова И.В.* Монеты Перещепинского клада // *ВВ*. 1993. Т. 54.
114. *Werner J.* Neues zu Kuvrat und Malaia Pereščepina // *Germania*. 1992. 70. H.2.
115. *Werner J.* Der Grabfund von Malaia Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.

116. *Tóth E.H., Horváth A.* Kunbábony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kecskemét, 1992.
117. *Ripoll-Lopez G.* Toréutica de la Bética (siglos VI y VII d.c.). Barcelona, 1998.
118. *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
119. *Айбабин А.И.* Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов (V-VIII вв.). М., 1982.
120. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
121. *Marshak B.* Silberschatze des Orients. Leipzig, 1986.
122. *Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградах Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
123. *Греч А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
124. *Киселев С.В.* Древняя история южной Сибири. М., 1951.
125. *Грінченко В.А.* Пам'ятка VIII ст. коло Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Київ, 1950. III.
126. *Амброз А.К.* Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
127. *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5.
128. *Сміленко А.Т.* Гладоські скарби. Київ, 1965.
129. *Беленицкий А.М.* Монументальное искусство Пенджикента: живопись, скульптура. М., 1973.
130. *Амброз А.К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. 1973. № 4.
131. *Амброз А.К.* О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов (V-VIII вв.). М., 1982.
132. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М., 1950.
133. *Liu-Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I-II. Wiesbaden, 1958.
134. *Мацулевич Л.А.* Византийский антик в Прикамье // МИА. 1940. № 1.
135. *Cruikshank-Dodd E.* Byzantine silver stamps. Washington, 1961 260, № 95.
136. *Мацулевич Л.А.* Войсковой знак V в. // ВВ. 1959. Т. XVI.
137. *Jisl L.* Vyzkum Külteginova památniku v Mongolske Lidove Republice // Archeologicke rozhledy. Praha, 1960. XII.1.
138. *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907-1909 гг. // ИАК. СПб., 1911. Вып. 43.
139. *Smilenko A.T.* Die Keramik der Töpferwerkstätten von Balka Kancerka im Dneprgebiet // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und und ihrer Varianten. Budapest, 1990.
140. *Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
141. *Артамонов М.И.* Болгарские культуры Северного Причерноморья // Доклады Географического общества. Этнография. Л., 1970. Вып. 15.
142. *Сміленко А.Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). Київ, 1975.
143. *Спицын А.А.* Аварские древности. Рукопись // НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 31а.
144. *Marosi A., Fettich N.* Trouvailles avars de Dunapentele // Archaeologia Hungarica. Budapest, 1936. XVIII.
145. *Мавродинов Н.* Прабългарската художествена индустрия // Мадара. София, 1936. Кн. II.
146. *Корзухина Г.Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // СА. 1955. XXII.

147. *Артамонов М.И.* Славяне и болгары в Поднепровье // *Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. Band I.* Berlin, 1970.
148. *Маршак Б.И., Скалон К.М.* Перещепинский клад. Л., 1972.
149. *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и культурно-исторический контекст. М., 1996.
150. *Рашев Р.* Прабългарите през V-VII век. София, 2004.
151. *Круглов Е.В.* Хазары – поиск истины // *Хазары.* М.; Иерусалим, 2005.
152. *Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI-VII вв. из Северо-Западного Приазовья // *Степи Европы в эпоху средневековья.* Донецк, 2006. Т. 5.
153. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
154. *Georgius Cedrinus, Ioannis Scylitzae.* Compendium Historiarum / Ed. I. Bekkeri, B. G. Niebuhrii // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae.* Bonnae, 1838.
155. *Pritsak O.* Review. Studies on the Khazar Problem, published by the Polish Academy // *Der Islam.* Cracow, 1949. Band 29.
156. *Minorsky V.* Balgitz – “Lord of the Fishes“ // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* Vienna, 1960. Band 56.
157. *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982.
158. *Zuckerman C.* On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor // *Revue des études Byzantines.* Paris, 1995. Tom 53.
159. *Etymologicon Magnum* / Ed. Th. Gaisford. Oxonii 1848. Reprint. Amsterdam, 1967.
160. *Chavannes E.* Documents sur les T'ou-Kiue occidentaux // *Сборник трудовъ Орхонской экспедиции.* VI. СПб., 1903.
161. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. II. Berlin, 1958.
162. *Магомедов М.Г.* Образование хазарского каганата. М., 1983.
163. *Зинько В.Н.* Восточный Крым в эпоху хазарского каганата // *Хазары: миф и история.* М.; Иерусалим, 2010.

Айбабин А. И.

Археологическое наследие хазар времени создания каганата

Резюме

Полноценное воссоздание истории Хазарии невозможно без изучения созданной в Хазарском каганате материальной культуры. В степях Северного Причерноморья и Приазовья выявлены погребения с конями и поминальные комплексы, объединенные в одну археологическую культуру. Ее нельзя приписывать праболгарам Кубрата, поскольку ранние захоронения этой культуры появились не ранее последней трети VII в., вскоре после изгнания около 665 г. из региона хазарами одного из сыновей Кубрата и подчинения другого. Судя по конструкции погребальных сооружений и тюркским вещам, эту культуру создали номады, этнически однородные тюркам, кочевавшим на территории Южной Сибири, Тувы и Монголии. Уйгурские источники помещали хазар и барсиллов на западе огузо-огузских племен. После распада тюрко-огузского каганата в Центральной Азии хазары и барсиллы создали собственное политическое объединение. Очевидно, хазары подчинили барсиллов. По словам Ширакаци, женой хазарского кагана была женщина из барсиллов.

Вторгнувшись в Причорномор'є из глибин Барсилії (рис. 1) около 665 г. хазарам принадлежала перещепинська культура, створена в початковий період становлення Хазарського каганата. Інвентар могил красноречиво характеризує соціальне положення погребених. В могилах поховані як рядові воїни, так і тюркська знать. Тільки хазарський каган міг переселити в кінці VII в. с Северного Кавказу в степи Подніпров'я артілі аланських гончарів, снабжавших своєю продукцією кочувалих в степах Северного Причорномор'я хазар. Вероятно, в останній третині VII – перших десятиліттях VIII вв. хазари хоронили в степах Подніпров'я своїх каганів. В цей період саме там вони створили погребально-культові комплекси кремурованих правителів каганата.

Согласно Феофану и Никифору, в начале VIII в. хазары уже полностью контролировали Боспорский пролив – важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. В Боспоре хазары построили цитадель, расквартировали гарнизон. Они поселились рядом с цитаделью в приморских кварталах. Археологическая культура населявших город Боспор хазар по керамике и жилищам не отличается от оставленного болгарами Батбаяна в Крыму и Приазовье крымского варианта салтово-маяцкой культуры.

Айбабін О. І.

Археологічна спадщина хазар часу створення каганату

Резюме

Повноцінне відтворення історії Хазарії неможливе без вивчення створеної в Хазарському каганаті матеріальної культури. У степах Північного Причорномор'я та Приазов'я виявлені поховання з кіньми і поминальні комплекси, об'єднані в одну археологічну культуру. Її не можна приписувати праболгарам Кубрата, оскільки ранні поховання цієї культури з'явилися не раніше останньої третини VII ст., незабаром після вигнання близько 665 р. з регіону хазарами одного з синів Кубрата і підпорядкування іншого. Судячи з конструкції поховальних споруд і тюркським речам, цю культуру створили номади, етнічно однорідні тюркам, що кочували на території Південного Сибіру, Туви і Монголії. Уйгурські джерела поміщали хазар і барсилів на заході огуро-огузських племен. Після розпаду тюрко-огузського каганату в Центральній Азії хазари і барсилі створили власне політичне об'єднання. Вочевидь, хазари підпорядкували барсилів. За словами Ширакаці, дружиною хазарського кагана була жінка з барсилів.

Хазарам, що близько 665 р. вторглися до Причорномор'я з глибин Барсилії (рис. 1), належала перещепинська культура, створена в початковий період становлення Хазарського каганату. Інвентар могил красномовно характеризує соціальне положення похованих. У могилах заховані як рядові воїни, так і тюркська знать. Лише хазарський каган міг переселити в кінці VII ст. з Північного Кавказу в степи Подніпров'я артілі аланських гончарів, що забезпечували своєю продукцією хазар, що кочували в степах Північного Причорномор'я. Ймовірно, в останній третині VII – перших десятиліттях VIII ст. хазари ховали в степах Подніпров'я своїх каганів. У цей період саме там вони створили поховально-культові комплекси правителів каганату, яких кремуровали.

Згідно Феофану і Никифору, на початку VIII ст. хазари вже повністю контролювали Боспорський пролив – найважливішу ділянку шляху з Візантії в Приазов'я і далі до Азії.

В Боспорі хазари побудували цитадель, розквартирували гарнізон. Вони оселилися поряд з цитаделлю в приморських кварталах. Археологічна культура хазар, що населяли місто Боспор, по кераміці і житлам не відрізняється від залишеного болгарами Батбаяна в Криму і Приазов'ї кримського варіанту салтово-маяцької культури.

Aibabin A. I.

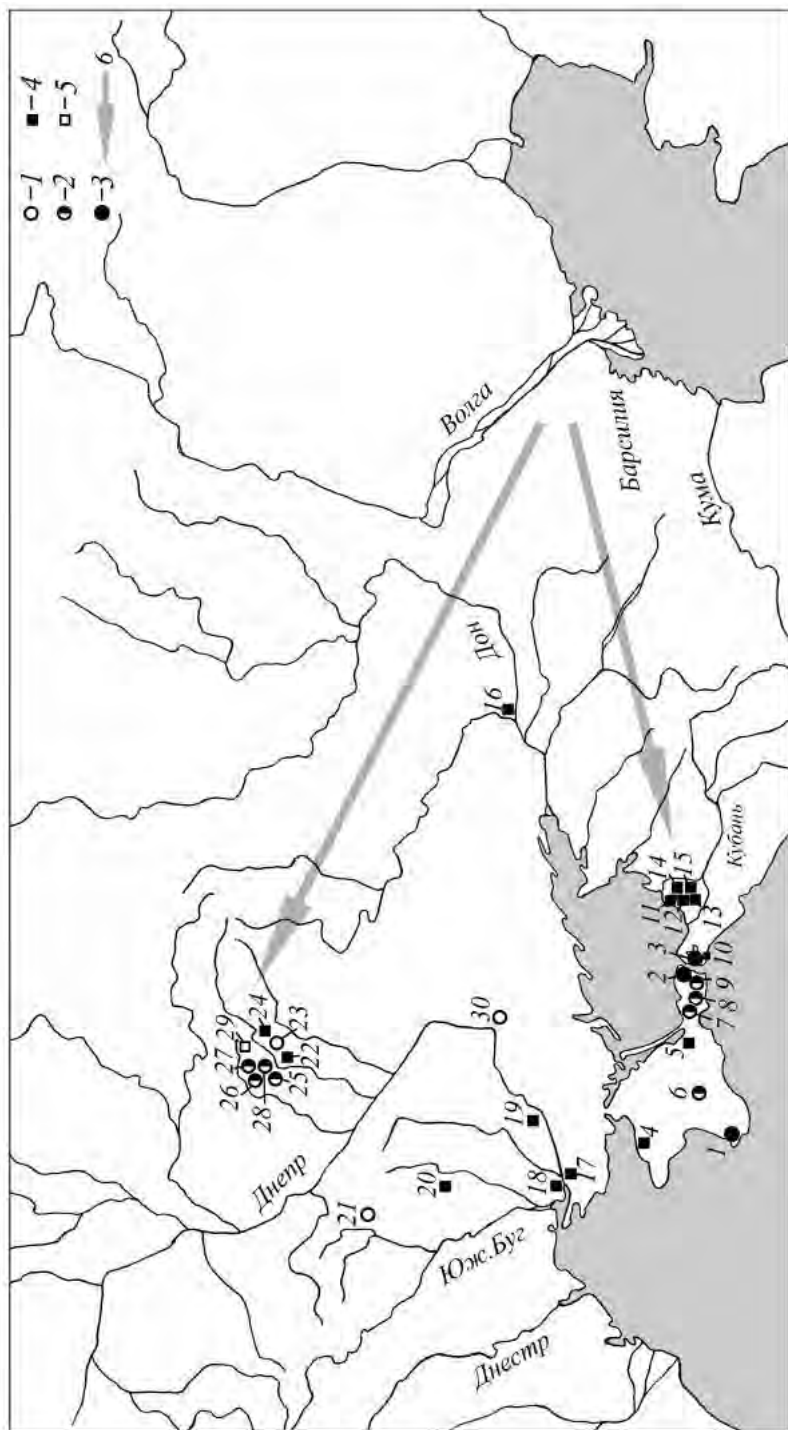
Archaeological Heritage of the Khazars of the Period of Creation of Khaganate

Summary

Full-fledged reconstruction of the history of Khazaria is impossible without studying material culture created in Khazarian Khaganate. In the steppes of the Northern Black Sea Coast and Azov Sea Coast burial with horses and funeral rites complexes united into one archaeological culture were discovered. It cannot be attributed to the fore-Bulgarians of Kubrat, as earlier burials of this culture appeared not earlier than in the third quarter of the 7th century soon after expatriation from the region of one of Kubrat's sons by the Khazars and subjection of another one in ca 665. Judging by the construction of burials and Turkic things, this culture was created by the nomads, ethnically close to the Turks who migrated on the territory of Southern Siberia, Tuva and Mongolia. Uigurian sources placed the Khazars and Barcils on the west of the Oguro-Oguz tribes. After the disintegration of Turks-Oguz Khaganate in Central Asia, the Khazars and Barcils created their own political union. Obviously, the Khazars subdued the Barcils. According to Shirakatzi the wife of the Khazars khagan was a woman from the Barcils.

Pereščepina culture created in the first period of the formation of the Khazarian Khaganate belonged to the Khazars who intruded into the Black Sea Coast from Barcilia (Fig. 1) ca 665. Funeral equipment vividly characterizes social status of the buried. Common soldiers and the Turk nobility were buried in graves. Only the Khazars khagan could move artels of the Alanic potters, who supplied the Khazars roaming in the steppes of the Black Sea Coast, from the Northern Caucasus to the steppes of the Dnieper region at the end of the 7th century. Probably, in the last third of the 7th – the first decades of the 8th century the Khazars buried their khagans in the steppes of the Dnieper region. During this period just there they created funeral-cult complexes of cremated rulers of Khaganate.

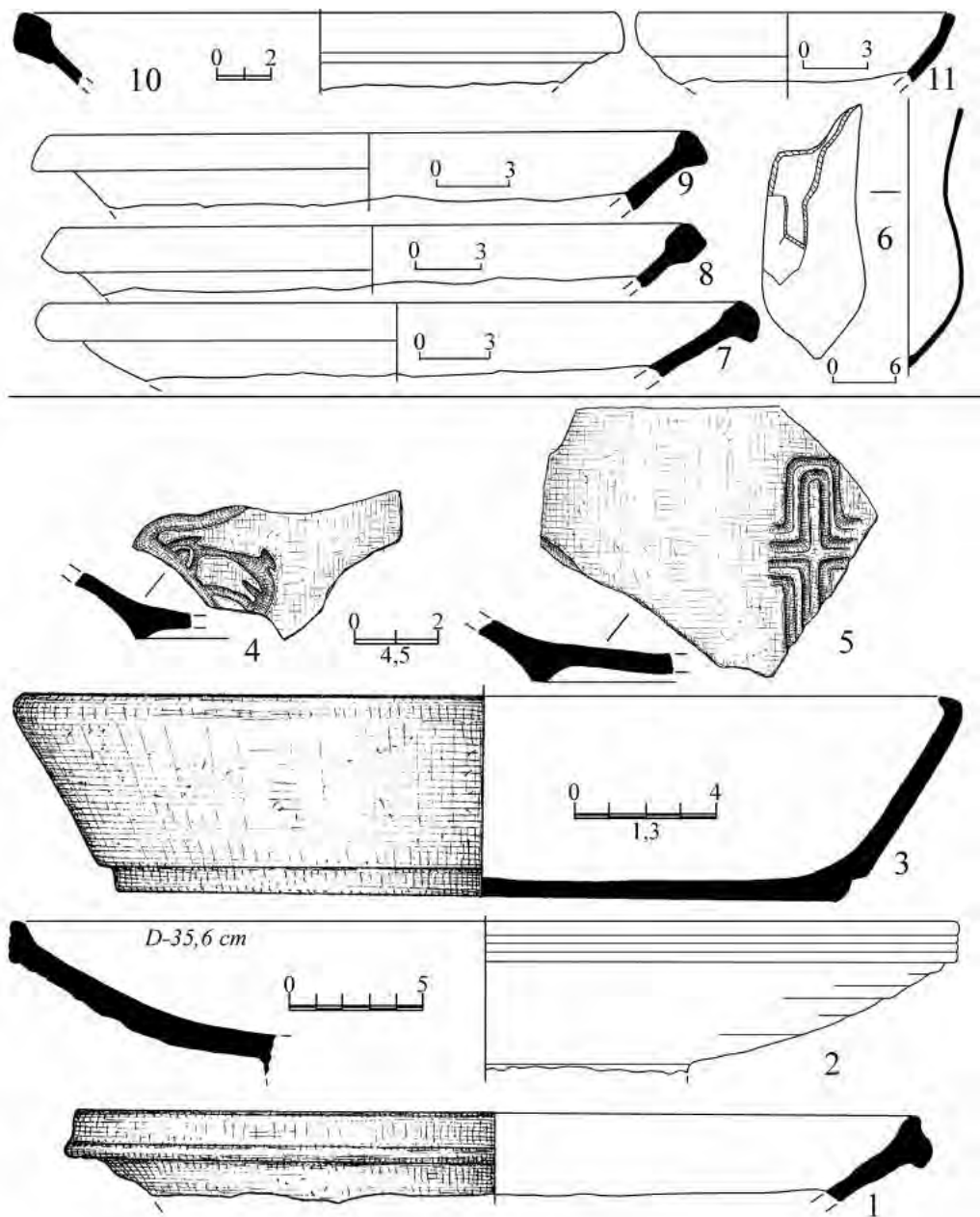
According to Theophanes and Nicephorus, at the beginning of the 8th century the Khazars took the Bosphorus strait – the most important part of the way from Byzantium to the Azov region and further to Asia under their complete control. In Bosphorus the Khazars built a citadel and accommodated their garrison. They settled near the citadel in the quarters near the Sea. Archaeological culture of the Khazars who inhabited the city of Bosphorus does not differ in ceramics and dwellings from Batbayan abandoned by the Bulgarians in Crimea and the Azov region of the Crimean variant of Saltovo-Mayak culture.

Рис. 1. Карта ранних хазарских памятников Северного Причерноморья.

Условные обозначения: 1 – поминальные комплексы каганов; 2 – поселения и стойбища; 3 – города; 4 – погребения хазар; 5 – городские центры; 6, 7 – направления вторжения хазар в Северное Причерноморье и Приазовье.

1 – Херсон, 2 – Боспор, 3 – Тиритака, 4 – Портовое, 5 – Новопокровка, 6 – Тау-Кипчак, 7 – Пташино, 8 – Илураг, 9 – Героевка, 10 – Михазельфельд, 11 – Малаи 1, курган 13, погребение 6, 12 – Чапаевский, 13 – Крулевская, 14 – Калининская, 15 – Старонижнегблиевская 1, курган 8, погребение 1, 16 – Лимаровка, 17 – Келегей, 18 – Белозерка, 19 – Костогрызово, 20 – Ясиново, 21 – Гладоссы, 22 – Новые Сенжары, 23 – Малая Перещина, 24 – Макуховка, 25 – Полузоре II, 26 – Белоконы, 27 – Лаврики, 28 – Чередики, 29 – Таранов Яр, 30 – Вознесенка, 31 – Кандирка, 32 – Патрей, 33 – Фанагория, 34 – Германасса-Гаматарха.

Рис. 2. Керчь. Керамика из раскопа 1991-1992 гг. в Кооперативном переулке.

1 – формы 3 LRC по Hayes 1972; 2 – форма ARS 82B по Hayes 1972; 3 – форма PRS 1; 4 – мотив 35 группы II по Hayes 1972; 5 – мотив 71 группы III по Hayes 1972; 6, 13, 20 – тип Зеест 103 или Якобсон 7; 7-10, 12, 15-17, 19 – формы LRC-10A по Hayes 1972; 11 – форма PRS 4; 14 – форма LRC 10C

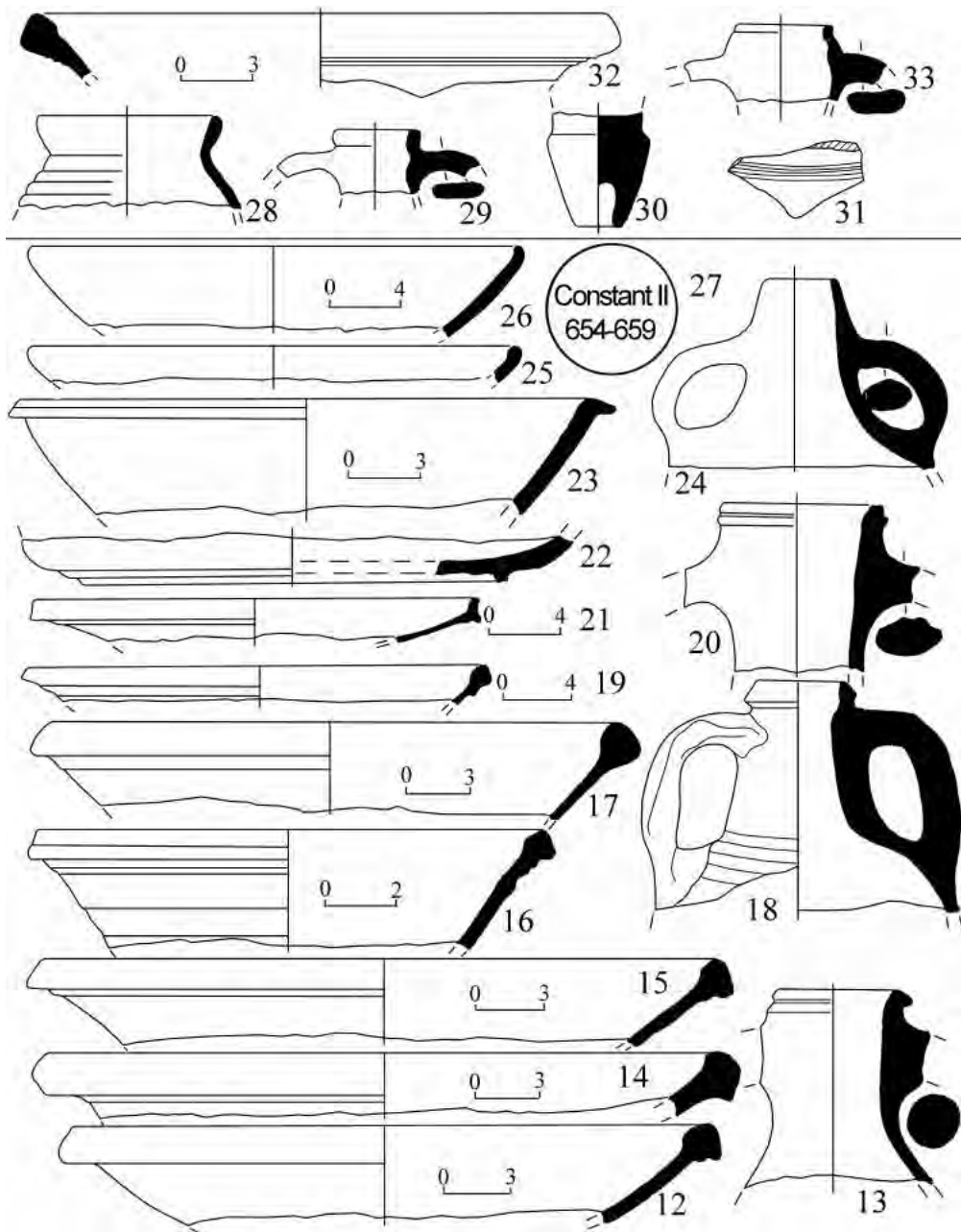

Рис. 2 (продолжение).

по Hayes 1972; 18 – тип Sarachane 10; 21 – формы LRC 3F по Hayes 1972; 22 – форма PRS; 23 – форма PRS 7; 24 – тип Зеест 99; 25-26 – форма PRS 1A/B; 28 – горшок; 29, 33 – тип Якобсон 74; 30 – тип Зеест 95 или LR-10; 31 – амфора с зональным рифлением; 32 – форма LRC 10C по Hayes 1972.

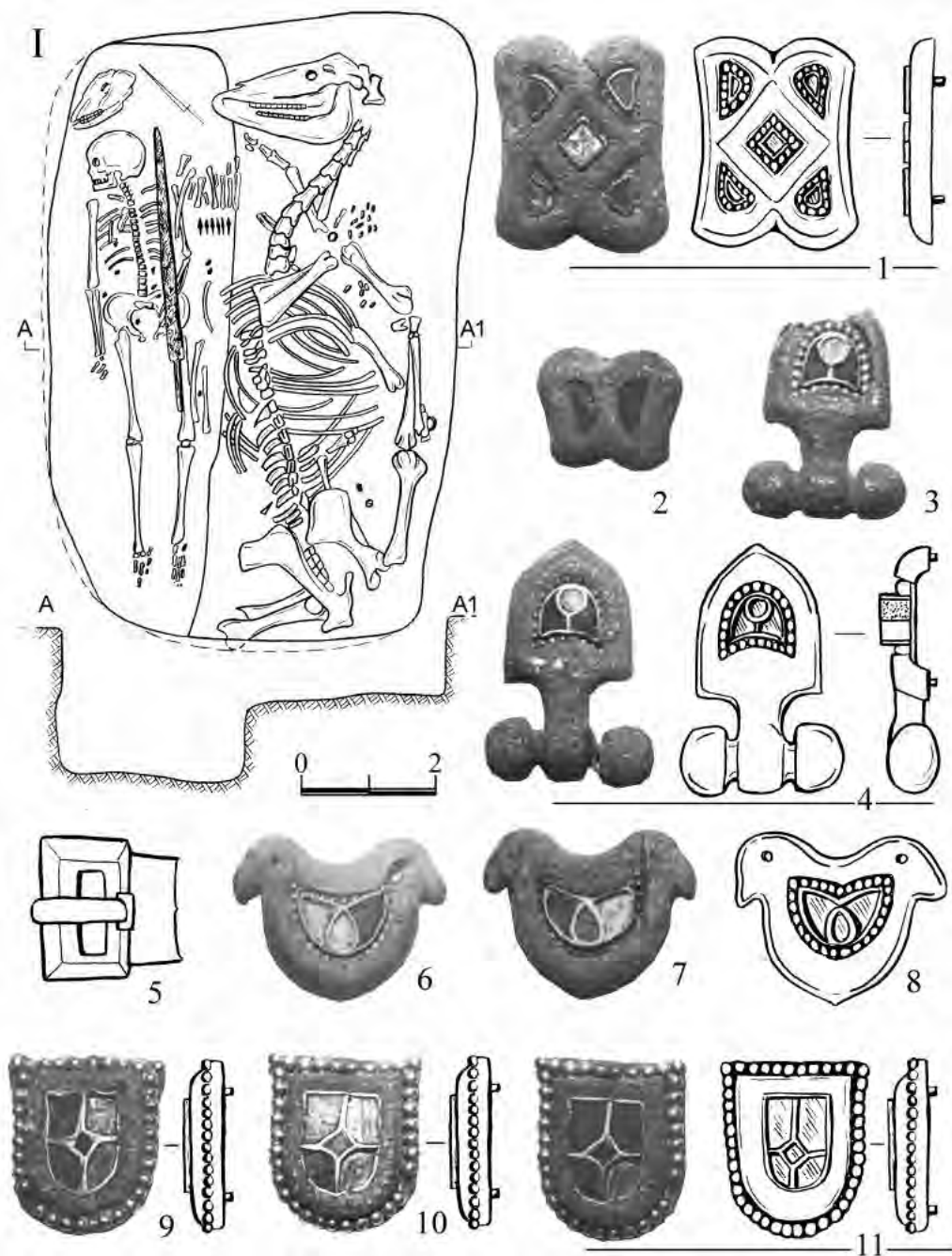

Рис. 3. Портовое. Погребение с конем.

I – план погребения, 1-4, 6-11 – биметаллические детали поясного набора, 5 – обувная пряжка.

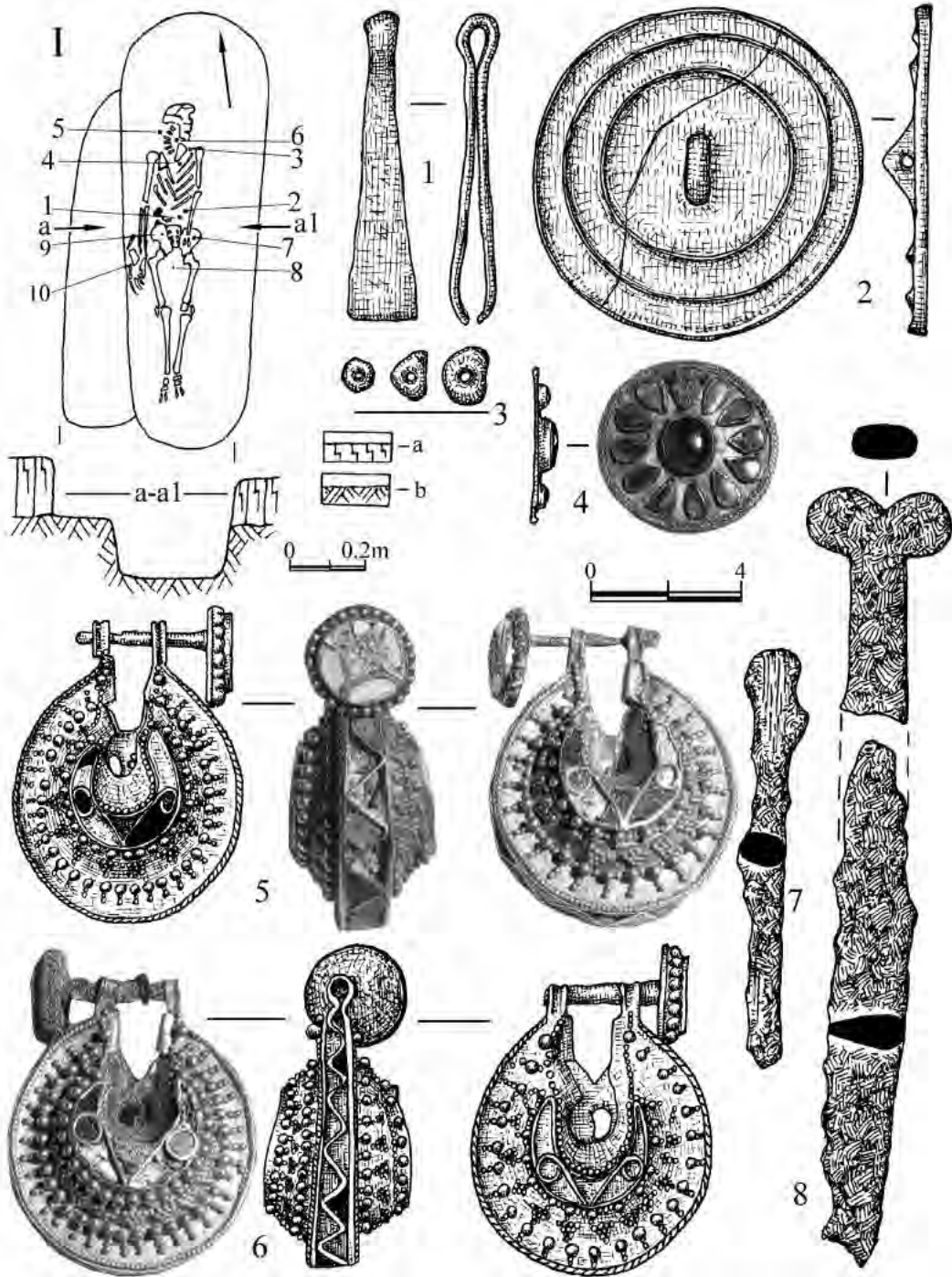

Рис. 4. Новопокровка. Женское захоронение.

I – план погребения, 1 – пинцет, 2 – зеркало, 3 – янтарные бусы, 4 – золотая бляха со вставками из алмадина, 5, 6 – золотые височные подвески, 7 – железное шило, 8 – железный нож.

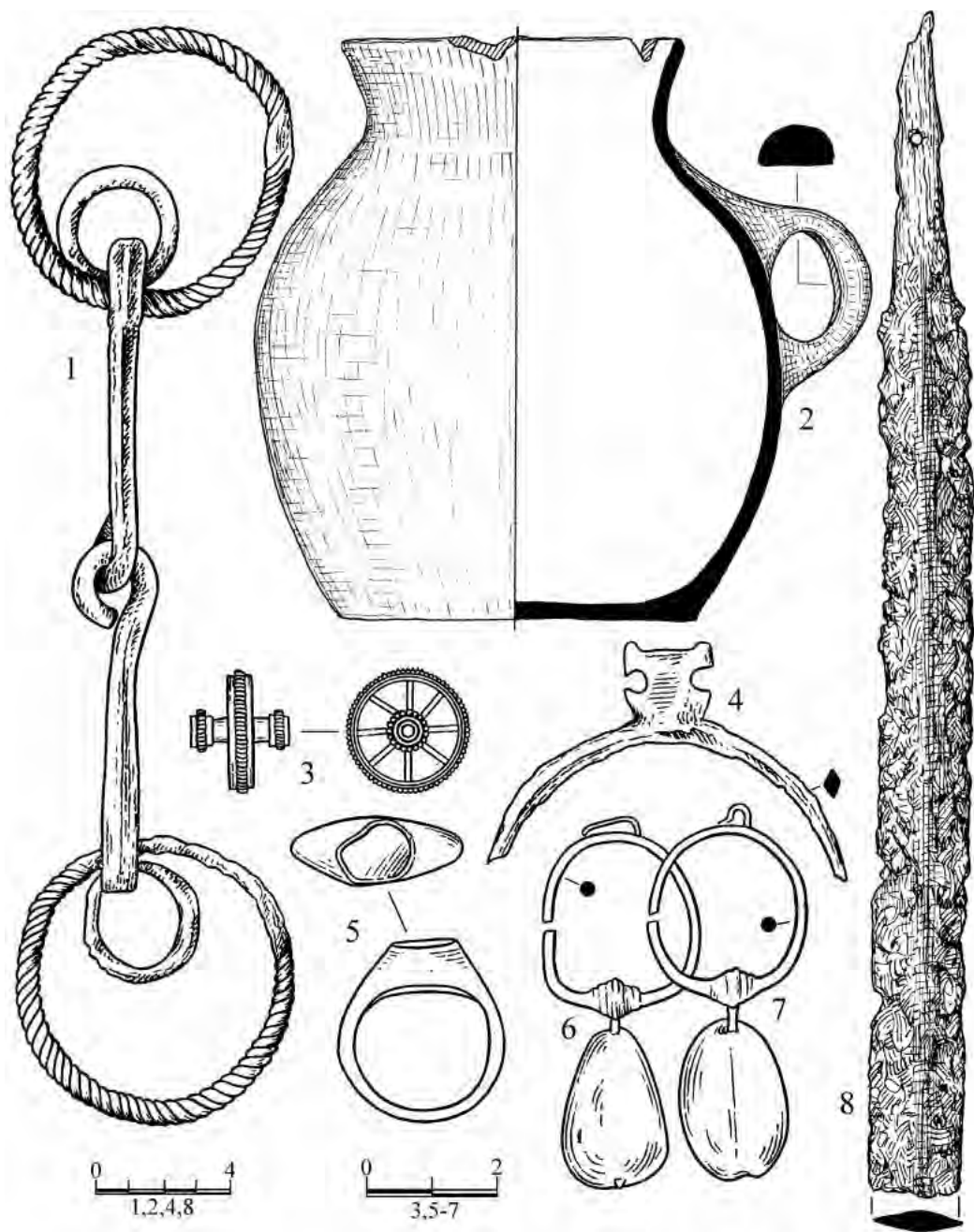

Рис. 5. Ясиново. Вещи из разрушенного погребения всадника.

1 – железные удила, 2 – лощеный кувшин, 3 – золотая пронизь, 4 – железные стремена, 5 – золотой перстень, 6, 7 – золотые серьги с аметистами, 8 – железный меч.

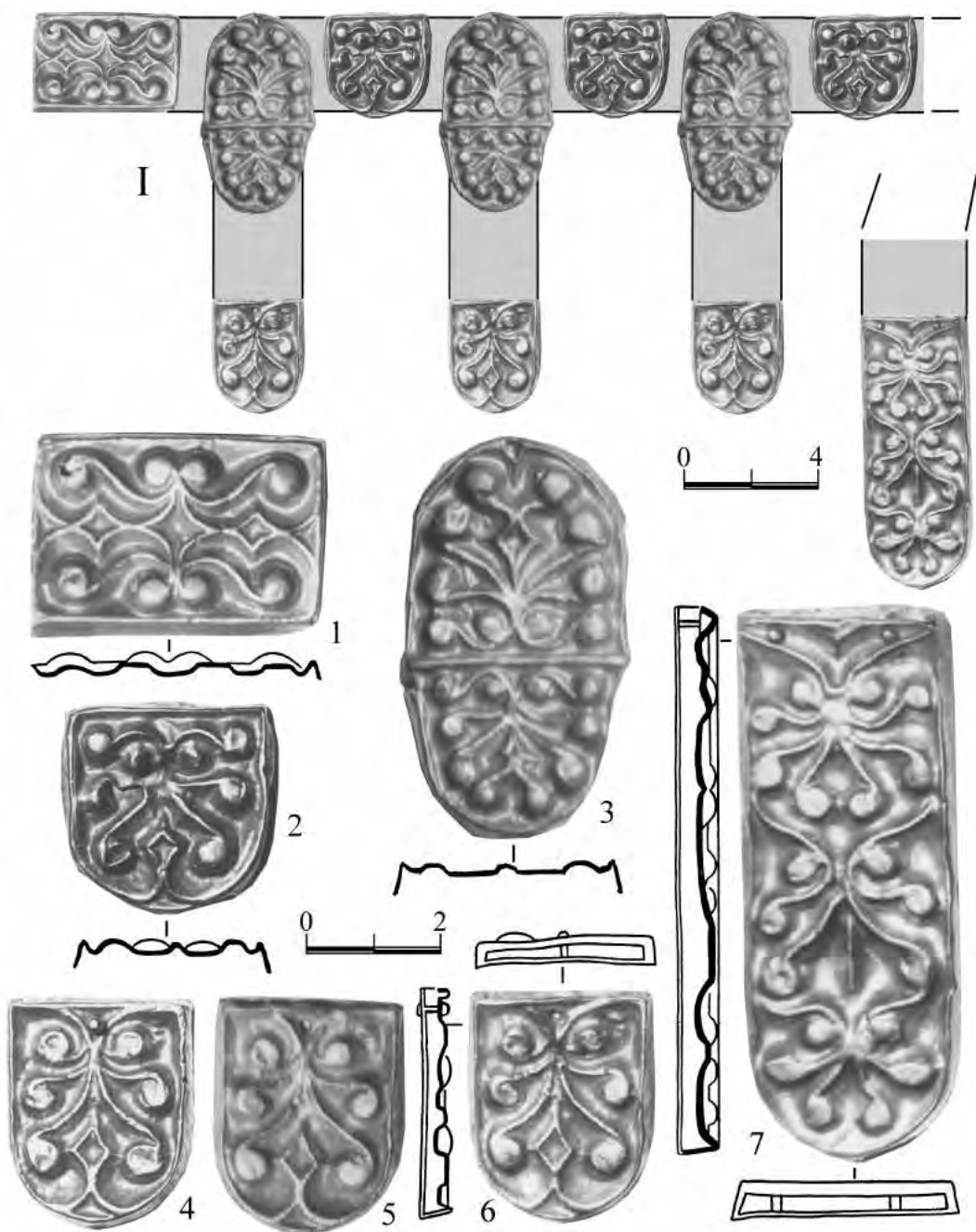

Рис. 6. Ясиново. Золотые детали поясного набора.

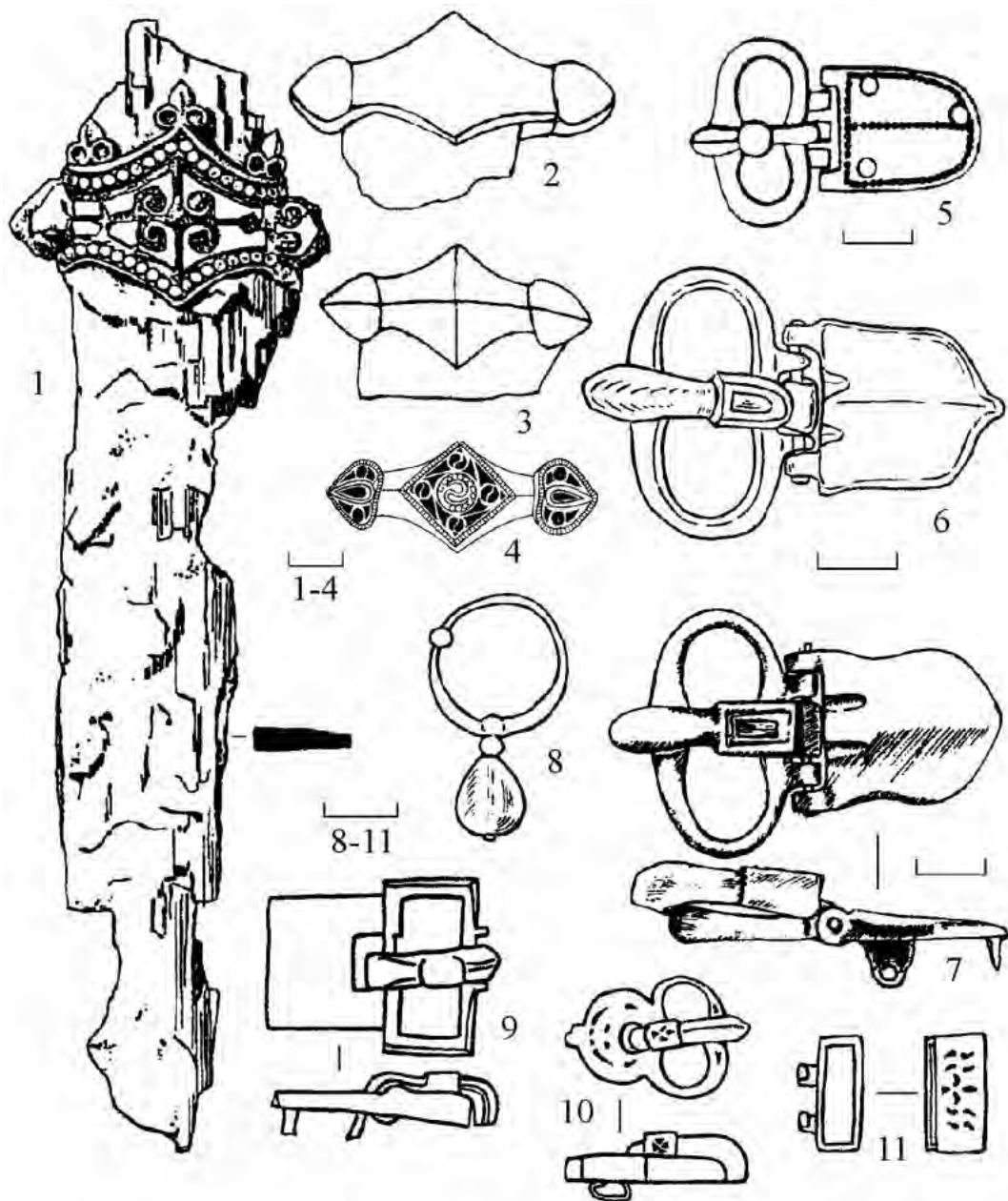

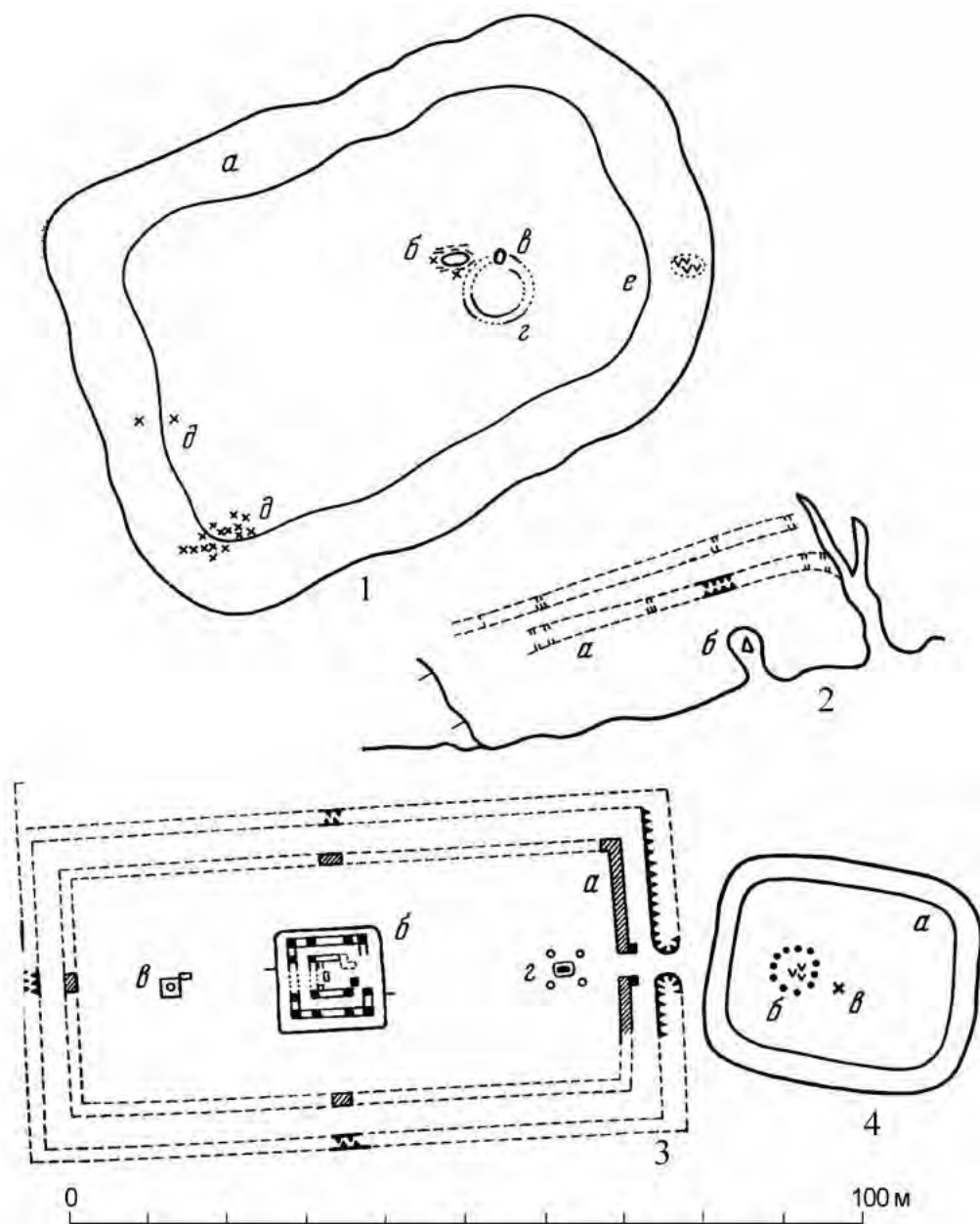
Рис. 7. Поздние вещи из кочевнических комплексов и их аналогии.

1, 5, 8-11 – Малая Перещепина, 2, 3 – Вознесенка, 4 – Гладоссы, 6 – Эски-Кермен, склеп 257, 7 – Шиловка, курган 1.

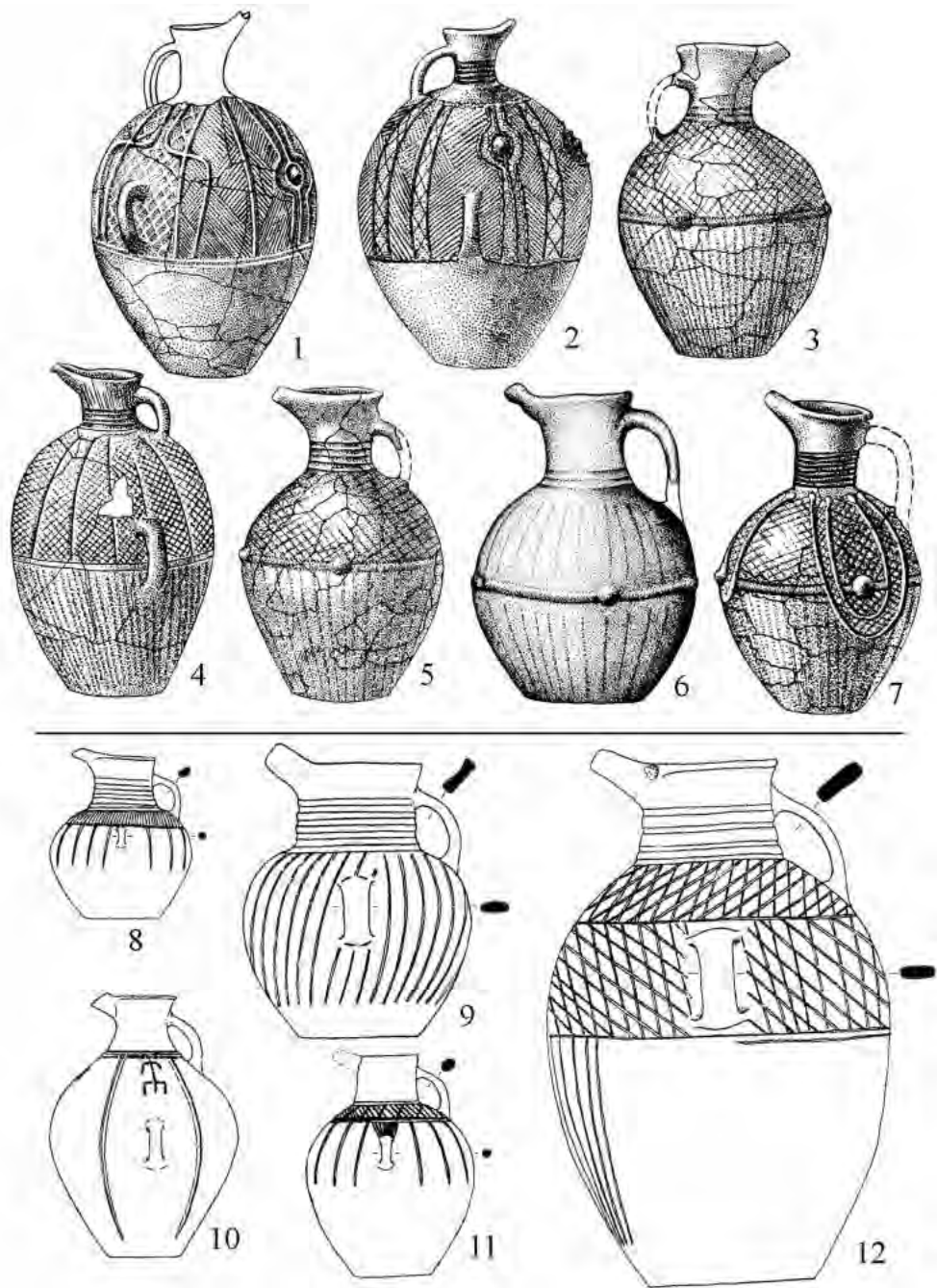
Рис. 8. Тюркские кувшины.

1-3, 8 – Малая Перещепина; 4, 5 – каменные изваяния древних тюрков с изображением кувшинов (4 – Алтай, 5 – Тува); 6, 7 – Кокэль, Тува; 9, 10 – Канцирка.

Рис. 9. Погребально-культурные комплексы знатных тюрков.

1 – Вознесенка, 2 – Гладоссы, 3 – поминальный комплекс Кюль-Тегина в Монголии, 4 – поминальный памятник в Сарыг-Булуне в Туве.

Рис. 10. Аланская керамика.
1-7 – Канцирка, 8-12 – Мокрая Балка.